

К. СТАНЮКОВИЧ

РАССКАЗЫ
СТАРОГО БОЦМАНА

U

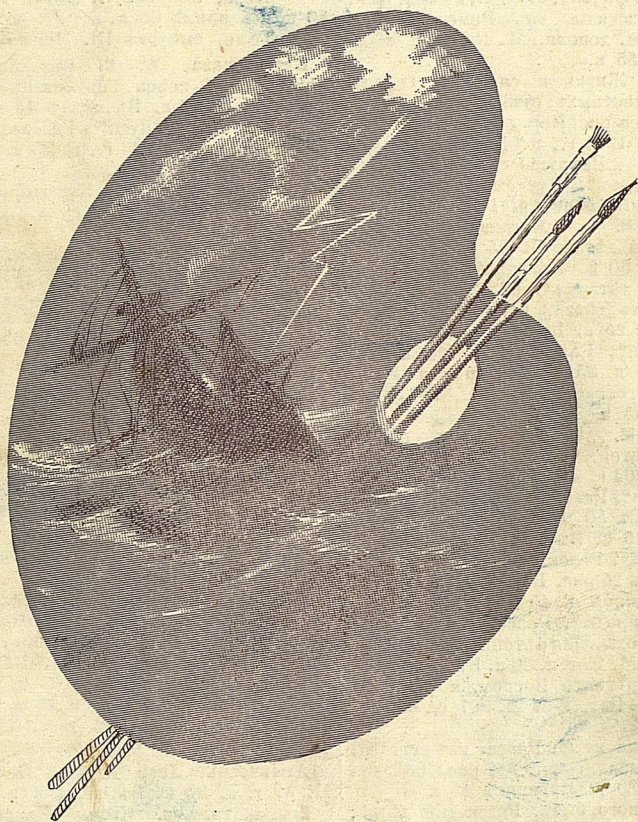
91
422

31
422
К. М. СТАНЮКОВИЧЪ.

РАЗСКАЗЫ
Старого Боцмана.

МОСКВА.—1912.

Издание 3-е книжного склада М. В. Ключкина, Ваганьковской пер., д. № 9.

Въ книжномъ складѣ М. В. КЛЮКИНА,

между прочими, продаются слѣдующія книги:

Изданія для дѣтей.

А. В. Равсказы о русскихъ самоучкахъ. 1 и 2 в., ц. 35 к.

Андерсенъ, Г. Избранныя сказки. Переводъ подъ ред. М. Васильева, съ рис., изд. 3-е, ц. 40 к. Въ папкѣ 55 к.

— Собраніе сказокъ. 25 выпусковъ по возрастамъ. Пер. подъ ред. М. Васильева, съ рис. Вышли 1, 2 и 6, ц. по 25 к.

— Четыре разсказа. Перев. подъ ред. М. Васильева. Съ рис., ц. 20 к., въ пап. 35 к.

Бизлей. Разсказы изъ Римской исторіи. Новое изд. дополн.. М. 1901 г. ц. 40 к. Въ папкѣ ц. 55 к.

Бенлей, Ар. Жизнь и ея дѣти. Очерки изъ жизни животныхъ, отъ простѣйшихъ до насѣкомыхъ. Съ рис. Пер. подъ ред. А. Никольскаго. М. 1901 г., ц. 1 р.

Брассей, А. „Вокругъ свѣта въ одиннадцать мѣсяцевъ“. Путевыя записки, съ рис., ц. 1 р. Въ папкѣ ц. 1 р. 25 к.

Бѣлоусовъ, И. А. „Малыши“. Разск. и стихотвор. для дѣтей. Съ 35 рис. Изд. 3-е. М. 900 г., ц. 30 к. Въ папкѣ ц. 45 к.

— „Моимъ дѣткамъ“. Разск. и стихотв. для маленькиихъ дѣтей. Съ рис. Изд. 3-е. М. 1900 г. ц. 25 к. Въ папкѣ ц. 40 к.

— „Росинки“. Разск. и стихотв. для дѣтей, съ рис., ц. 35 к. Въ папкѣ ц. 50 к.

— Мамины сказки. Съ рис., ц. 30 к. Въ папкѣ ц. 45 к.

Васильевъ, М. „Въ лѣсу и въ полѣ“. Разск. для дѣтей. Съ 28 рис. въ текстѣ. Изд. 5-е. М. 904 г. ц. 30 к. Въ пап. ц. 45 к.

— „Ребятки“. Разск. и сказ. для маленькиихъ дѣтей. Съ 50 рис. въ тек. Изд. 3-е. М. 98 г., ц. 45 к. Въ папкѣ ц. 60 к.

— „Гурьбой“. Разск. и сказ. для маленькиихъ дѣтей. Съ 25 рис. Изд. 3-е. М. 1901 г., ц. 25 к. Въ папкѣ ц. 45 к.

— „Изъ природы“. Разск. и сказки изъ жизни и природы. Для дѣтей младшаго возраста, съ рис. М. 98 г. ц. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— „Изъ дѣтства“. Воспом. и раз. для дѣтей, съ рис. Изд. 2-е. М. 901 г., ц. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— „Разскажи мнѣ“. Разск. изъ естеств. исторіи для млад. возр., съ рис. 64 стр. М. 99 г., ц. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Изъ родного быта. Разск. для дѣтей, съ рисун., ц. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Изъ простой жизни. Разск. для дѣтей, съ рисун., ц. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Сказки жизни и природы рус. писат. съ рис. Въ папкѣ 1 р.

— „Подростки“. Разсказы и сказки русскихъ писателей, съ рис. Литвиненко. М. 99 г., ц. 35 к. Въ папкѣ 50 к.

— Посѣвы. Сборникъ духовныхъ стихотвореній, ц. 40 к. Въ папкѣ 55 к.

— Изъ прошлаго земли русской. Сборн. стихотвор. истор. содержан. изъ русскихъ поэтовъ. Вып. Г. Древняя Русь. М. 1901 г. ц. 50 к. Въ папкѣ 65 к.

— Тоже, выпускъ II. Новая Русь, цѣна 50 к. Въ папкѣ 65 к.

— Тоже, выпускъ III. Богатыри, 50 к.

Владимирова, А. К. Въ Африкѣ на рѣкѣ Конго, перев. съ англійск., съ рисунками, ц. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

Голова, Е. „Подруги“. Разсказы для дѣтей, съ рис. М. 1903 г., ц. 35 к. Въ папкѣ 50 коп.

Гофманъ и Гриммъ. Волшебныя сказки для дѣтей. Съ раскр. рисунк. М. 99 г. Въ папкѣ 1 р. 25 к.

Гофманъ. Волшебныя сказки. Съ рис. М. 99 г., ц. 80 к. Въ папкѣ 1 р.

Гофманъ, Ф. Бѣдный мальчикъ. Повѣсть для дѣтей, съ рис. М. 902 г., ц. 65 к. Въ коленк. пер. 1 р. 25 к.

Гриммъ, братья. Библиотека сказокъ, собранныхъ бр. Гриммъ. Перев. подъ редакц. А. Терешкевича. Изд. 2-е, вв. 1—2 младшій возрастъ; 3, 4, 5, 6—средній возрастъ; 7, 8, 9 и 10 старшій возрастъ, съ рисун. ц. по 20 к. Въ папкѣ по 2 вып. 50 к.

— „Дѣдушкины сказки“. 8 избр. сказокъ съ рисун. М. 99 г. ц. 35 к. Въ папкѣ ц. 50 к.

Динненсъ. Скрыга Скруджъ или три добрыхъ духа. Перев. Сердобольскаго. Изданіе 4-е. М. 1904 г. ц. 35 к.

— Малютка Тимъ и др. разск. для дѣтей. Съ рис. М. 902 г. ц. 45 к. Въ папкѣ ц. 60 к.

Догановичъ, А. Отзывчивыя сердца. Разск. для дѣтей, съ рис. М. 1904 г. цѣна 45 к. Въ папкѣ 60 к.

— „Васильки“. Раз. и сказ. для мал. дѣт., съ 20 рис. М. 98 г. ц. 30 коп. Въ папкѣ 45 коп.

Джемисонъ. Леди Дженъ. Пов. съ рис. М. 99 г. ц. 80 к. Въ папкѣ 1 р.

Епифановъ, Ив. Игорь Князь Новгородъ-Сѣверскій. Истор. разск. съ рисунк. ц. 20 к. Въ папкѣ 35 к.

— Герой былого времени. Истор. пов.

422

К. М. Станюковичъ.

РАЗСКАЗЫ

СТАРАГО

БОЦМАНА.

- I. НИЛЫЧЪ.
- II. ВЪ НЯНЬКАХЪ.
- III. НА „ПРОВОРНОМЪ“.

3 4 2 0 6

СЪ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТЪ
ХУДОЖНИКА СПАССКАГО.

(XI)

МОСКВА. 1912.

Изданіе 3-е книжного склада М. В. Ключкина.

Ваганьковскій пер., д. № 9.

Типографія Вильде, Москва, Малая Кисловка, собственный домъ.

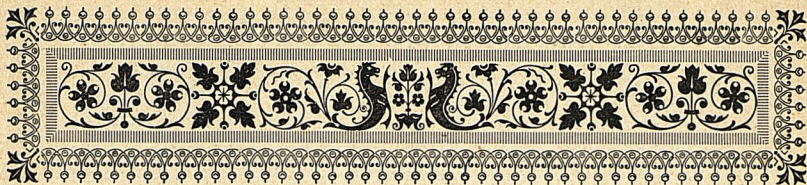
2007067254

РАЗСКАЗЫ
СТАРАГО БОЦМАНА.

I.

НИЛЫЧЪ.

НИЛЫЧЬ.

Познакомился я съ разсказчикомъ, отставнымъ боцманомъ Нилычемъ, нѣскольکو лѣтъ тому назадъ въ маленькомъ захолустномъ городишкѣ Черниговской губерніи, гдѣ я прожилъ лѣто и часть осени.

На другой же день послѣ приѣзда я поднялся рано и вышелъ на обвитую дикимъ виноградомъ террасу подышать чуднымъ, полнымъ свѣжести, воздухомъ ранняго іюньскаго утра.

И живительный воздухъ, и высокое бирюзовое небо, и душистый ароматъ блещущихъ росю цвѣтовъ въ клумбахъ посрединѣ и по бокамъ небольшого дворика, и тѣнистый садъ рядомъ, съ созрѣвающими ранними вишнями и сливами и зеленѣющими яблоками и дулями, и небольшая бахча за плетнемъ, на которомъ, словно бы въ нерѣшительности, стоялъ павлинъ, то складывая, то распуская свой, сверкающій переливами яркихъ цвѣтовъ, хвостъ, — все это казалось восхитительнымъ послѣ Петербурга и его окрестностей.

На дворѣ и вокругъ царила мертвая тишина.
Все спало.

Вдругъ раздался легкій скрипъ, и изъ сарая, на-противъ террасы, показался невысокаго роста, сердитый, казалось, старикъ, съ коротко остриженной бѣлой, какъ лунь, головою, безъ бороды и усовъ, съ загорѣлымъ побурѣвшимъ и изрытымъ морщинами лицомъ, въ толстой холщевой рубахѣ съ разстегнутымъ воротомъ, открывавшимъ волосатую грудь, и въ такихъ же штанахъ. Жилистыя большія его ноги были босы.

Хромая и слегка волоча лѣвую ногу, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и, обратившись лицомъ на востокъ, перекрестился нѣсколько разъ и прочиталъ наскоро „Отче нашъ“. Затѣмъ усѣлся на обрубокъ у сарая и закурилъ маленькую трубчонку, прижавъ предварительно корявымъ пальцемъ табакъ въ трубкѣ.

Въ воздухѣ потянуло острымъ запахомъ махорки. Старикъ откашлялся, и лицо его казалось не такимъ сердитымъ.

— Дрыхнешь, мошенникъ!— проговорилъ онъ вдругъ недовольнымъ, слегка пониженнымъ голосомъ, полу-оборачивая свою круглую, крѣпко посаженную въ плечахъ голову къ полуотвореннымъ воротамъ сарая.— Вотъ я тебѣ, мошенника, шугану!— прибавилъ старикъ.

И въ ту же минуту изъ сарая вышла, потягиваясь и выгибая рыжую спину, кудластая неказистаго вида старая дворняга, тощая, съ подтянутымъ брюхомъ и, повидимому, такая же угрюмая, какъ и старикъ.

Она подошла къ нему, лицомѣрно вильнула хвостомъ, лѣниво лизнула руку и подняла свою умную клочковатую морду на старика, словно бы понимая, что предстоитъ выслушать воркотню, и чѣмъ скорѣе это окончится, тѣмъ лучше.

— Мало, видно, спалъ! На дворѣ утро, а ты дрыхнешь, а? Это какъ по твоему, правильно, лодырь ты этакій?—спрашивалъ старикъ ворчливымъ тономъ.

Онъ остановился, словно бы ожидая отвѣта, и, затаившись, выпустилъ дымъ.

Собака опять лѣниво вильнула хвостомъ и виновато оскулилась, но не очень догадываясь, вѣроятно, по тону старика, что ей не предстоитъ опасности и что старикъ только представляется сердитымъ.

А онъ ворчливо продолжалъ:

— По настоящему тебя, мошенника, слѣдовало бы отодрать, коли ты не слушаешь приказаніевъ... Я всталъ, а онъ бока отлеживаетъ... Какой баринъ выискался... скажите пожалуста! Ты у меня проспика еще разъ. Небойсь, попробуешь ремня, Кудластый!—внушительно заключилъ старикъ.

И, видимо считая дѣловой разговоръ съ „Кудластымъ“ законченнымъ, онъ, вдругъ рѣзко мѣняя тонъ на болѣе ласковый, проговорилъ тихимъ голосомъ человѣка, дѣлающаго конфиденціальное и значительное сообщеніе:

— А, знаешь, Кудлашка, ночью жильцы къ „Уксусу“ пріѣхали...

Онъ махнулъ головой на домъ и прибавилъ:

— Можетъ, тебѣ перепадать будетъ... Отъѣшься.

У нихъ, не бойсь, каждый день варить пищу будутъ... Изъ Петербурга... Не уксусные!

Очевидно, старикъ называль уксусомъ хозяйку дома, пожилую вдову чиновника, помѣщавшуюся въ двухъ комнатахъ, отдаленныхъ отъ сданныхъ намъ и съ отдѣльнымъ ходомъ. Прозвище это, какъ скоро оказалось, вполне соотвѣтствовало характеру этой дамы.

Мнѣ показалось, что послѣ послѣднихъ словъ старика Кудластый оживленнѣй замахаль хвостомъ, потому ли, что поняль въ чемъ дѣло, или потому, что выговоръ былъ оконченъ. И онъ отошелъ отъ своего хозяина и сѣлъ невдалекѣ на заднія лапы, настороживъ уши и нюхая воздухъ.

Тѣмъ временемъ старикъ выбилъ трубочку, сунулъ ее въ карманъ штановъ и вынулъ оттуда осколокъ зеркальца и небольшой сапожный ножъ. Повѣсивши зеркальце на гвоздь, вбитый въ ворота сарая, онъ пошелъ туда и, вернувшись съ мыльной водой въ жестянкѣ отъ сардинокъ, вымылилъ себѣ щеки, подбородокъ и верхнюю губу и сталъ бриться.

Послѣ этой, едва ли пріятной, операціи старикъ, собравши всѣ свои туалетныя принадлежности, скрылся въ сарай и черезъ минуту вышелъ оттуда уже въ выцвѣтшемъ измызанномъ картузѣ, надѣтомъ слегка на затылокъ.

— Валимъ, Кудлашка, купаться!

И съ этими словами онъ, несмотря на хромоту и старость, бодро и довольно быстро направился черезъ дворъ, ступая босыми ногами по твердому песку ме-

жду клумбами, и вышелъ на улицу въ сопровожденіи Кудлашки.

Скоро они вернулись.

Послѣ купанья старикъ казался еще бодрѣй. И мокрый Кудлашка находился, повидимому, въ болѣе пріятномъ настроеніи, вызвавшемъ во мнѣ подозрительныя мысли о томъ, что онъ дорогой чѣмъ-нибудь да поживился и, быть-можетъ, даже воровскимъ образомъ.

— Ишь вѣдь, все еще спятъ!—воркнулъ старикъ, проходя между клумбъ.—Ни птицѣ корму, ни... Ну и лодыри!

Онъ пустилъ по направленію къ кухнѣ болѣе сильное ругательство и скрылся въ сараѣ.

Въ седьмомъ часу появился на дворѣ Карпо, невысокій, статный молодой парень, служившій у хозяйки въ работникахъ, а вслѣдъ затѣмъ молодая заспанная хохлушка Акцына подала мнѣ самоваръ.

— Кто это живетъ въ сараѣ?—спросилъ я ее.

— Да Нилычъ, старикъ съ собакой.

— Онъ что же дворникъ?

— Да нѣтъ же. Такъ живетъ... Полтину въ мѣсяцъ платитъ барынѣ за сарай...

— Чѣмъ же онъ занимается?

— А Богъ его знаетъ... Когда дрова гдѣ рубить...

Когда что...

— Онъ не здѣшній?

— Нѣтъ... Пришелъ прошлымъ годомъ сюда изъ Россіи да и живетъ. Сердитый старикъ!—прибавила Акцына пѣвучимъ голосомъ.

— Чѣмъ же онъ сердитый?

— Ни съ кѣмъ не знается, не разговариваетъ, а только ругается!

Въ эту минуту появился Карпо съ кувшиномъ молока и съ булками и сказалъ:

— Вы это про Нилыча?... Нестоющій старикъ!.. Злой... Вотъ увидите, какъ мы его дразнить станемъ... такъ бѣда какой станетъ...

— А зачѣмъ же вы его дразните?..

— Да такъ... Больше дивчины его дразнятъ... Потѣха! Онъ бѣжитъ за ними съ палкой, а онѣ попрячутся. Гдѣ ему, хромому старику, догнать... Ну, онъ вернется къ сараю и ругается!

И Карпо весело разсмѣялся, щуря красивые черные лукавые глаза и скаля крѣпкіе, сверкающіе бѣлизной, зубы.

— И барыня его не любитъ,—продолжалъ Карпо, стоя на ступенькахъ террасы и посматривая на свои новые высокіе сапоги,—въ кухню не допускаетъ. Не велитъ кипятку давать... Такъ онъ у жидовъ беретъ... Тѣ даютъ.

Пока мы разговаривали, Кудластый осторожно приблизился къ самой террасѣ, взглядывая на меня своими умными глазами.

Я хотѣлъ было бросить ему кусокъ булки, какъ Карпо быстрымъ движеніемъ ноги назадъ хватилъ собаку сапогомъ. Собака взвигнула и понеслась къ сараю.

— Какъ вамъ не стыдно, Карпо?—проговорилъ я строго.

— Развѣ такимъ безстыжимъ стыдно,—раздался негодующій голосъ Нилыча, показавшагося изъ са-

рая.—Я тебя какъ слѣдуетъ отдѣлаю, мошенника! Что тебѣ сдѣлала собака?

И, видимо, озлившійся Нилычъ грозно помахаль кулакомъ.

Карпо струсиль. Но, не желая показать этого передо мной, отвѣтилъ Нилычу:

— А ты, мазепа, зачѣмъ пускаешь собаку? Барыня не приказываетъ ей шлаться.

И нѣсколько сконфуженный ушелъ. Ушла и Акцына, бросивъ со смѣхомъ:

— Экій дурный старикъ!

Нѣсколько времени спустя, когда Кудластый выглянулъ изъ сарая, я позваль собаку. Кудластый прибѣжалъ на зовъ, но остановился въ очень почтительномъ разстояніи отъ террасы. Я сталъ кидать ему куски булки и бубликозь, которые онъ ловиль

налету съ большимъ мастерствомъ и проглатывалъ съ удовольствіемъ.

Изъ щели сарая выглядывала сѣдая голова Нилыча.

Онъ, казалось, любовался ловкостью собаки и былъ доволенъ, что ей уже начало „перепадать“. Скоро однако Кудластый былъ отозванъ Нилычемъ, вѣроятно, нежелавшимъ, чтобы Кудластый съ перваго же знакомства компрометировалъ себя назойливымъ попрошайствомъ и не оставилъ насъ совсѣмъ безъ булокъ.

Еще болѣе заинтересовалъ меня Нилычъ, когда въ одиннадцать часовъ, во время палящей жары, отъ которой я скрывался на террасѣ, въ сарай прошелъ торопливой походкой, пугливо озираясь на кухню, маленькій, блѣднолицый мальчикъ-еврей, одѣтый въ какія-то лохмотья.

Онъ оставался въ сараѣ болѣе часа и вышелъ оттуда въ сопровожденіи Нилыча. Тотъ проводилъ мальчика до воротъ и ласково проговорилъ:

— Завтра опять приходи, Абрамка! Ты жиденокъ башковый. Скоро науку эту произойдешь. Молодца, Абрамка!

Съ этими словами старикъ потрепалъ мальчика по спинѣ и ушелъ въ сарай, крикнувъ Кудластому, лежавшему на припекѣ:

— Иди, глупый, въ сарай. Тамъ въ холодкѣ поспимъ!

Подъ вечеръ, увидавъ Карпо, я спросилъ его объ еврей-мальчикѣ, что приходилъ къ Нилычу.

— Нищаго жиденка гдѣ-то нашелъ и прикармливаетъ хлѣбомъ да лукомъ... И учить его.

— Чему?

— Сапоги шить.

И, помолчавъ, прибавилъ не безъ презрительной усмѣшки:

— Жиденокъ да собака—вотъ и вся его компанія... Хотѣлъ жиденка въ сарай помѣстить, да барыня не пустила... Одно слово, вродѣ некрещенаго!..

Я рѣшилъ на слѣдующее утро сдѣлать визитъ Нилычу.

Когда я вышелъ на террасу, уже было шесть часовъ.

Нилыча у сарая не было, и я, подойдя къ сараю, постучался.

Кудластый заворчалъ.

— Цыцъ, дуракъ!—прикрикнулъ на него Нилычъ и ворчливо проговорилъ: „Чего нужно?“

— Это я... жилецъ... Нужно поговорить съ вами. Нилычъ вышелъ самъ и пригласилъ меня войти.

Меня поразила чистота и порядокъ, бывшіе въ той части сарая, гдѣ помѣщался старикъ.

Постель была на козлахъ и аккуратно застлана старенькимъ одѣяльцемъ. На подушкѣ — опрятная ситцевая наволочка. На двухъ полкахъ аккуратно были разставлены: чугунный котелокъ, двѣ сковородки, чайникъ съ отбитымъ носкомъ, нѣсколько жестянокъ, сапожный ножъ, бритва и шило. Въ сторонѣ на гвоздяхъ въ полномъ порядкѣ былъ развѣшанъ гардеробъ Нилыча: старое суконное пальтецо, штаны, довольно ветхій полушубокъ, картузь и высокіе сапоги. Табуретка являлась единственной мебелью. Не-

далеко отъ кровати висѣлъ на бичевѣ глиняный кувшинъ, очевидно, приспособленный для умыванья, такъ какъ около висѣло полотенце и на полкѣ лежалъ кусокъ сѣраго мыла.

Чистая настилка изъ соломы находилась въ углу. На нее тотчасъ же по моемъ приходѣ и улегся Кудластый, сообразившій, что я явился безъ какихъ-либо дурныхъ намѣреній.

— Здравствуйте, Нилычъ!—проговорилъ я.

— Здравія желаю... вашескобродіе!—отвѣтилъ Нилычъ и нѣсколько выпятилъ по старой привычкѣ грудь.

— А у васъ хорошо здѣсь.

— Ничего себѣ... Главная причина: прохладно, вашескобродіе.

Онъ придвинулъ табуретку. Когда я сѣлъ, онъ продолжалъ стоять.

— Садитесь и вы, Нилычъ. Удобнѣе разговаривать.

Нилычъ опустился на кровать.

Тогда я обратился къ нему за совѣтомъ, гдѣ купить дровъ и попросилъ нарубить ихъ.

— Вы, кажется, занимаетесь этимъ?

— Очень даже занимаюсь! — оживленно проговорилъ онъ. — И со всѣмъ моимъ удовольствіемъ буду рубить вамъ дрова, а то безъ работы нудно, вашескобродіе. Даромъ, что мнѣ восьмой десятокъ пошелъ и нога хромлетъ, а я еще... слава Тебѣ, Господи... на полную ослабку еще не пошелъ. А дрова вы сами на базарѣ купите... Встаньте пораньше да и идите...

Я просилъ Нилыча купить мнѣ дровъ. Онъ согласился и обѣщаль ихъ купить черезъ знакомаго еврея, чтобы не дорого...

— А то здѣсь, вашескобродіе, даромъ, что хохлы, а то же деруть... А жидъ этотъ совѣстливый, даромъ, что жидъ. И знаетъ, гдѣ дешево купить. Они на этотъ счетъ умны...

И послѣ паузы раздумчиво произнесъ:

— А я такъ по своему разсудку полагаю, ваше-скобродіе, что всякіе бываютъ и жидаы и крещеные. Людей-то я на своемъ вѣку повидаль таки. Взять, примѣрно, здѣшнюю хозяйку. Тоже крещеная и барыней прозывается, а сама хуже самой что ни на есть послѣдней жидовки. И опять же: другая жидовка отъ бѣдности душу продасть дьяволу, а эта изъ корысти... Все ей мало... И такой, съ позволенья сказать, уксусъ, что и не приведи Богъ... Скаредная... Всякаго бы ей обсчитать да объегорить. А послушать—такъ одно слово соловей. . Облестить, значить, хочеть... И вы, вышескобродіе, опаску имѣйте...

— Да мнѣ какія съ ней дѣла? Заплатилъ за квартиру и шабашъ.

— Она выищеть... Сутяжная дама. Тоже въ прошломъ году жильцы изъ Кіева лѣтомъ жили, такъ судились съ ней...

— А вы, Нилычъ, давно здѣсь?

— Второй годъ, вашескобродіе...

— Издалека?

— Изъ Ростова-на-Дону.

— Тамошній?

— Никакъ нѣтъ. Я вологодскій... Только люблю теплыя мѣста и чтобы воздухъ привольный... Вотъ и сюда пришелъ тепла искать и способной работы, да ноги поврежденіе вышло.

— Какъ такъ?

— Глупый хохоль телѣгой переѣхалъ. Не видалъ, что человекъ спитъ около дороги. Ему, вишь, дороги мало... Однако испугался... Трешницу давалъ... Я изругалъ хохла. „У меня, молъ, нога не продажная.“ Вези меня, говорю, въ больницу. Четыре мѣсяца ногу выправляли, однако настояще не выправили. Доктуръ обсказывалъ, что кость стара, нѣтъ ей сросту. Такимъ манеромъ я и хромъ сталъ... Только, ежели по совѣсти говорить, такъ по своей же винѣ! — неожиданно прибавилъ Нилычъ, и въ его маленькихъ, острыхъ глазахъ появилось выраженіе нѣкоторой смущенности.

— Въ чемъ же была ваша вина, Нилычъ?

— Сорокоушку натошакъ выпилъ, вашескобродіе. Я началъ понимать.

— Сорокоушка, ежели ее выпить съ разсудкомъ, такъ—прямо сказать—нестоющее дѣло. И двѣ и три безо всякой вреды можно принять,—не безъ нѣкоторой горделивости продолжалъ Нилычъ.—Я, слава Богу, знаю свою плепорцію! А главная причина, что натошакъ! — снова повторилъ старикъ, словно бы оправдываясь, что одна сорокоушка могла на него подѣйствовать.—И замѣсто того, чтобы послѣ итти домой и запить чаемъ да закусить хлѣбомъ, я, вашескобродіе, пошелъ за городъ побродить въ лѣску на воль-

номъ воздухѣ... А отъ жары—сами изволите знать—пьющій въ ослабку человекѣ входитъ, если натощакѣ выпилъ. Я и присѣлъ около дороги... И хоть былъ въ полномъ понятіи, а заснулъ... Тутъ-то телѣга и переѣхала ногу!—заклучилъ Нилычъ.

Слушая его объясненіе, я взглядывалъ на старика и нисколько не сомнѣвался, что вся бѣда произошла только отъ того, что водка была выпита „натощакѣ“—до того крѣпка была его приземистая фигура и дышало здоровьемъ его морщинистое, загорѣлое лицо. Особенно много жизненности было въ его небольшихъ темныхъ глазахъ. И зубы были всѣ цѣлы, крѣпкіе и бѣлые.

— Вы здѣсь и останетесь, Нилычъ?

— Никакъ нѣтъ, вашескобродіе... Только до осени...

— А потомъ?

— Къ теплу. Въ Севастополь хочу пробраться зимовать. Почитай, что всю Россію перебродилъ отъ Архангельскаго до Ленкорань-города, а въ Крыму не бывалъ.. Обсказываютъ: хорошо тамъ... Вотъ и лестно посмотреть. А я охотникъ, вашескобродіе, до новыхъ мѣстовъ, даромъ, что старъ. Дома у меня нѣтъ, одинъ, какъ персть; Кудластый вотъ только вродѣ бытто товарища; я и ищу привольныхъ мѣстовъ, пока не найду постояннаго... въ землѣ. Люблю, пока кости носятъ, побродяжить... Вотъ только нога прежняго ходу не даетъ... А прежде былъ ходъ... Можно сказать, хорошій ходъ!

— Вы, вѣрно, въ солдатахъ служили, Нилычъ?

— Обознались, вашескобродіе. Я крупной *) не былъ! — пренебрежительно бросилъ старикъ, словно бы недовольный, что я его принялъ за солдата. — Я во флотъ служилъ...

— Во флотъ?—обрадованно перебилъ я. И мнѣ показалось теперь страннымъ, какъ это я сразу не призналъ въ Нилычѣ бывшего матроса и по его слегка согнутымъ ногамъ отъ привычки ходить по качающейся палубѣ, и по манерѣ носить картузь на затылкѣ, и по чистотѣ и по порядку въ его жилищѣ, и по отношенію его къ сорокоушкамъ, и—главное—по тѣмъ ругательнымъ прилагательнымъ, которыми онъ уснащалъ свои рѣчи.

И мнѣ сталъ еще милѣе этотъ одинокій и брошенный старикъ, котораго считали злымъ и который между тѣмъ, самъ полунищій, „прикармливалъ жиденка“ и такъ горячо заступился за Кудластаго. Всѣ эти черты необыкновенно дѣятельной любви подъ суровой оболочкой хорошо мнѣ были извѣстны въ матросахъ, вблизи которыхъ я провелъ молодые годы во время кругосвѣтнаго плаванія.

√ — То-то, во флотъ. Двадцать пять лѣтъ отслужилъ. Два раза вкругъ свѣта ходилъ. Десять лѣтъ въ боцманахъ былъ... Изволите знать, какое это званіе: боцманъ!—горделиво прибавилъ Нилычъ.

— Какъ не знать. Я самъ бывший флотскій офицеръ!...—сказалъ я и сердечно пожалъ руку Нилыча.

*) Въ старину матросы насмѣшливо звали солдатъ „крупой“, а солдаты, въ свою очередь, звали матросовъ „смолой“.

Старикъ обрадовался и оживился.

Онъ назвалъ нѣскольکو знакомыхъ мнѣ фамилій бывшихъ капитановъ и старшихъ офицеровъ, съ которыми служилъ, и перечислялъ суда, на которыхъ плавалъ. То все были деревянныя паровыя суда, уже давно несуществующія. Съ тѣхъ поръ, какъ Нилычъ въ 1869 году вышелъ въ отставку, флотъ совершенно измѣнился.

Особенно интересовался Нилычъ бывшимъ командиромъ „Голубчика“, на которомъ Нилычъ боцманомъ совершилъ послѣднее свое плаваніе и вышелъ затѣмъ въ отставку.

— Такого командира я за всю свою службу не видалъ, вашескобродіе! — почти что восторженно говорилъ Нилычъ. — Почитай что одинъ во всемъ флотѣ былъ... по добротѣ къ матросу... Вездѣ тогда наказывали по всей строгости линьками — тогда еще ихъ царской отмѣны не было! — а голубь-то нашъ Василій Федорычъ ни одного человѣка линьками не наказалъ и офицеровъ просилъ не наказывать... Понималъ матросскую совѣсть, не бойсь... Умница былъ... И намъ, боцманамъ, не приказывалъ ни драться, ни ругаться...

— Что жъ, вы исполняли приказъ командира?

— То-то не очень... Сами изволите знать, вашескобродіе, что боцману никакъ невозможно, чтобы при случаѣ не вдарить и не изругаться... И если боцманъ иной ударить не зря, а съ разсудкомъ, то матросъ не обидится... И на меня не обижались, вашескобродіе... И зато у насъ на „Голубчикѣ“ и былъ порядокъ!..

Я невольно улынулся, слушая эти знакомыя мнѣ рѣчи боцмановъ стараго времени насчетъ „смазыванія“ и „ругани“ для „порядка“ и живо представилъ себѣ, какимъ лихимъ былъ боцманомъ Нилычъ тридцать лѣтъ тому назадъ... Не даромъ онъ и теперь сохранялъ въ себѣ необыкновенную живучесть.

— Да, вашескобродіе, — продолжалъ старый боцманъ, — часто я вспоминаю Василия Федорыча. Съ нимъ на „Голубчикѣ“ мы жили, какъ у Христа за пазухой.. Ну, и берегъ же онъ матросика... Службы требовалъ, а зря не нудилъ... И былъ онъ командиръ, можно сказать, во всей формѣ!.. Дѣло свое понималъ до тонкости, можно сказать. И показалъ себя, когда мы на камняхъ бились въ Китайскомъ морѣ... Вызволилъ насъ тогда отъ гибели. Распорядился! А въ тѣ поры мы такъ и думали, что всѣмъ намъ крышка!.. Не бойсь, онъ давно въ адмиралы вышелъ, Василій Федорычъ!..

Нилычъ былъ нѣсколько удивленъ и даже обиженъ, когда я сказалъ, что Василій Федоровичъ вышелъ въ отставку и не адмиралъ.

— Видно, не польстился?

— Не польстился. У себя въ деревнѣ живетъ.

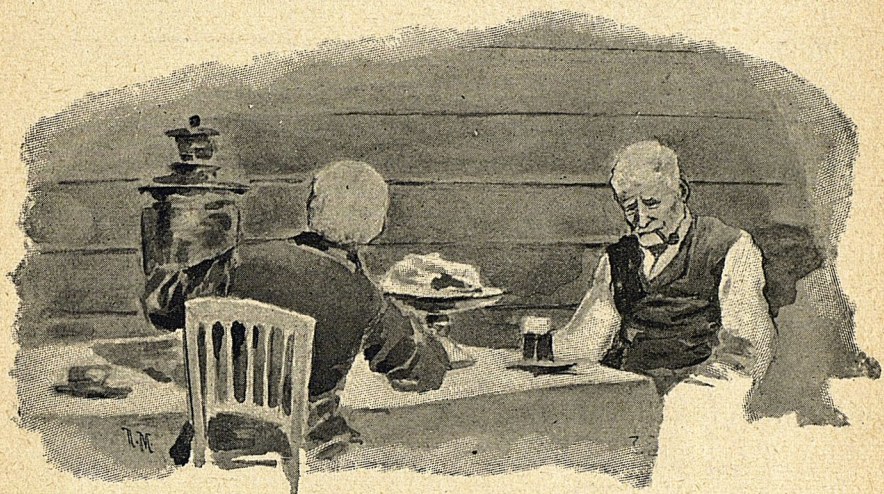
— Въ Новгородской губерніи?

— Кажется. А вы, Нилычъ, почему знаете?

— Да вѣдь Василій Федорычъ, какъ я вышелъ въ отставку, къ себѣ въ деревню вродѣ бытто управляющаго звалъ. „Живи, говоритъ, Нилычъ, при постоянномъ мѣстѣ. Положу, говоритъ, тебѣ жалованье и будешь ты на хорошемъ харчѣ“. Однако я не согласился...

— Почему?

— По свѣту побродить хотѣлось, вашескобродіе... Такъ я и Василю Федорычу доложилъ. Ну, онъ наградилъ меня деньгами и велѣлъ безпремѣнно явиться въ деревню къ нему, если, говоритъ, „пропадать станешь. Приютъ, говоритъ, ты всегда у меня най-

дешь. Помни!..“ Не надѣялся онъ на меня, вашескобродіе!—прибавилъ неожиданно Нилычъ.

— Отчего?

— Водкой занимался, когда съѣзжалъ на берегъ, вашескобродіе!

Я пригласилъ Нилыча на террасу пить чай.

— Какъ бы хозяйка не заскулила, вашескобродіе!..—деликатно замѣтилъ Нилычъ, видимо оберегая меня отъ „уксуса“.

— А пусть скулитъ! — засмѣялся я. — Идемте,

Нилычъ. И Кудластаго берите... Ему будетъ перепадать...

— Стоящій песъ, вашескобродіе! — замѣтилъ Нилычъ и окликнулъ Кудластаго.

Нечего и говорить, что Карпо и Акцына были весьма удивлены, когда увидѣли за столомъ со мной Нилыча и собаку, уплетавшую неподалеку отъ меня булку. Еще болѣе удивилась Акцына, когда я приказалъ ей отпускать Нилычу ежедневно обѣдъ, объявивъ, что Нилычъ нанятъ мною сторожемъ.

Она ушла, и скоро мы услышали, какъ „заскулила“ хозяйка.

Съ этого утра мы подружались съ Нилычемъ. Онъ исполнялъ разныя хозяйственныя порученія, пилилъ дрова и отстаивалъ мои интересы, если находилъ, что меня хотятъ „объегорить“.

Съ нимъ и съ Кудластымъ мы совершали прогулки и ходили на рѣку ловить рыбу.

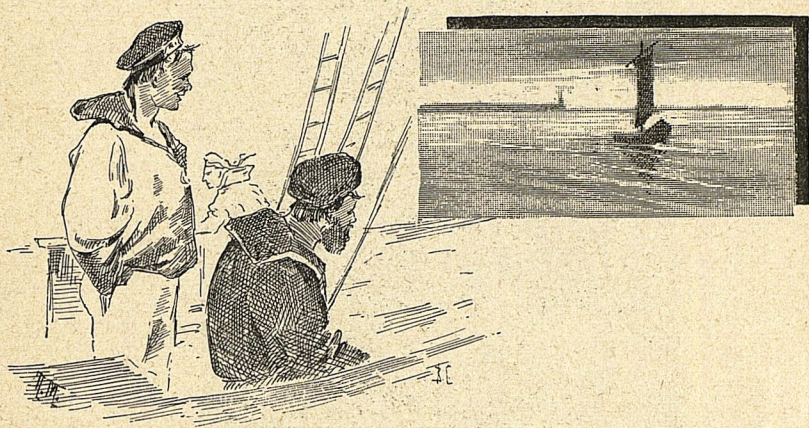
А въ дивные южные вечера, особенно прелестные, когда мѣсяцъ глядѣлъ, по выраженію Нилыча, „во всѣ глаза“ и заливалъ все серебристымъ свѣтомъ, мы нерѣдко сиживали съ Нилычемъ въ саду или на террасѣ. И старикъ, по моей просьбѣ, рассказывалъ что-нибудь изъ своей богатой воспоминаніями жизни.

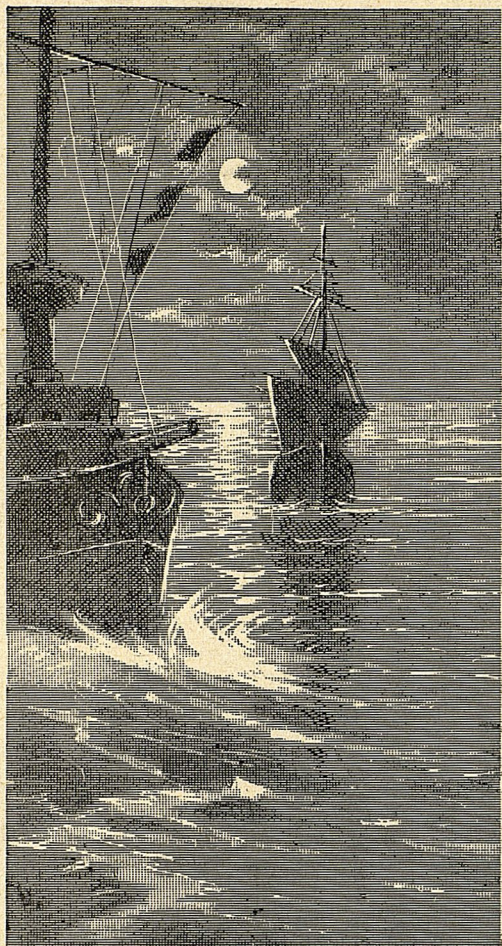
Понижая свой громкій голосъ чуть не до шепота, словно бы боясь потревожить тишину чуднаго вечера, онъ рассказывалъ о добрыхъ и злыхъ капитанахъ, съ которыми служилъ, о жизни своей въ нянькахъ, о плаваніяхъ, о томъ, какъ онъ чуть было не пропалъ на чужой „американской“ сторонѣ, и я съ удовольствіемъ слушалъ его рассказы.

Осенью мы разстались съ Нилычемъ. Онъ отправился искать тепла въ Севастополь. Я возвратился въ Петербургъ.

Годъ тому назадъ, я снова видѣлъ Нилыча и, конечно, съ Кудластымъ, въ Ялтѣ.

Онъ былъ носильщикомъ, глядѣлъ еще молодцомъ и собирался побывать въ Батумѣ.

РАЗСКАЗЫ
СТАРАГО БОЦМАНА.

II.

ВЪ НЯНЬКАХЪ.

ВЪ НЯНЬКАХЪ.

I.

— Да, да... Всего довелось повидать и во всякихъ, можно сказать, званіяхъ состоять за время службы, вашескобродіе. Сами служили во флотъ и изволите знать, что въ старину не было положенія, чтобы казенный человѣкъ разбиралъ. „Хочешь, не хочешь“ — не спрашивали, а ежели командиръ или старшій офицеръ призоветъ и, къ примѣру сказать, велитъ на свиньѣ верхомъ ѣхать, такъ, не бойсь, поѣдешь въ лучшемъ видѣ. Еще какъ поѣдешь-то! Вродѣ бытто гусара. Потому тогда къ порядку приучивали шлифовкой, чтобы матросъ все понималъ и все сполнялъ въ одинъ секундъ. Теперь она изничтожена.. Свиноватиль — судись. А прежде, когда я поступилъ на службу, шлифовка была форменная.. А дозвольте, вашескобродіе, малость трубоченки покурить! — неожиданно оборвалъ Нилычъ свой разсказъ.

— Пожалуйста, курите, Нилычъ.

— Съ трубкой и разговоръ бытто поспособнѣй. Махорка горло прочищаетъ и для внутренности, сказываютъ, полезно, — объяснилъ Нилычъ, набивая трубку.

Онъ закурилъ, съ наслажденіемъ затянулся и, откашлявшись, продолжалъ:

— Такимъ-то родомъ попалъ я изъ рулевыхъ въ няньки, вашескобродіе. Семь мѣсяцевъ находился въ этой должности. Самая трудная и щекотливая была эта должность, ежели на совѣсть сказать.

— Почему?

— А потому, что около ребенка надо много разсудка въ себѣ имѣть, вашескобродіе. И не забудь его, и чтобы онъ тебя слушалъ, и въ понятіе входилъ. Опять же: родители — ихъ опасайся! Ребенокъ нашкодиль или ежели зашибся—все ты у матери виновать... И такая разъ бѣда вышла, что и не дай Богъ...

— Вы, Нилычъ, въ Кронштадтѣ въ нянькахъ служили?

— Никакъ нѣтъ, вашескобродіе.

— А гдѣ-жь?

— Въ морѣ.

— Какъ въ морѣ? — воскликнулъ я, удивленный.

— А на компанейскомъ транспортѣ „Алеутъ“. На немъ мы въ Ситху *) разный припасъ изъ Кронштадта отвозили. А командиромъ транспорта былъ капитанъ-лейтенантъ Иванъ Степанычъ Вѣткинъ... Можетъ, слышали? Отправлялся онъ, значить, на

*) Ситха—островъ у сѣверо-западнаго берега С. Америки.

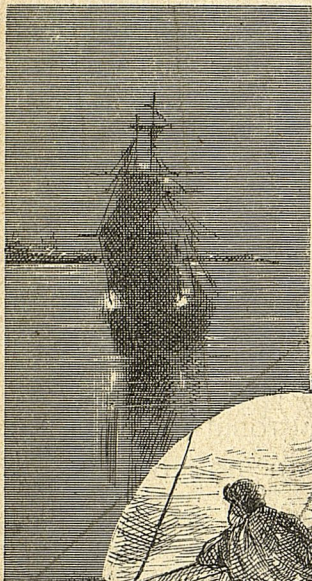
службу въ Сѣверную Американскую Компанію на пять лѣтъ и взялъ съ собою свою барыню, сыночка этакъ годовъ семи и молодую няньку... Хорошо. Вышли это мы изъ Кронштадта осенью и черезъ мѣсяцъ добрались до англійскаго города Порцмута. Противные вѣтры все были — потому мы такъ долго и шли. Тогда, вашескобродіе, вѣдь все подъ парусами... Паровыхъ судовъ еще и званія не было. Въ Порцмутѣ маленько оправились—въ Нѣмецкомъ морѣ довольно таки трепануло насъ и катеръ сорвало въ море—запаслись свѣжей провизіей, налили цистерны свѣжей водой и погуляли на берегу... Такъ день черезъ пять собирались уходить, какъ вдругъ нянька капитанская пропала. Отпустили, значить, ее въ англійскомъ городѣ погулять на два часа и для вѣрности съ ней капитанскаго вѣстового послали, но только онъ одинъ явился, а нянька не явилась. Доложилъ, что нянька сбѣжала... И была жъ вѣстовому шлифовка, вашескобродіе! Три дня въ понятіе не входилъ... А какъ ему было усторожить няньку? Фукнула отъ него въ проулокъ и была такова. Только передъ тѣмъ сказала: „Кланяйся, говоритъ, Егорка, барынѣ“.

— Отчего жъ она сбѣжала?

— Крѣпостная была. Видно, не хватило силъ терпѣнія, вашескобродіе... До предѣла отчаянности дошла. А съ виду вовсе покорная была... терпѣла... Только, бывало, выйдетъ ночью на палубу, глядитъ на море, а сама плачетъ... Примѣчалъ я это не разъ, когда на ночныхъ вахтахъ на руль стоялъ. И жалко ее было... Барыня-то ейная, Леванида Петровна, пря-

мо, съ позволенія сказать, вѣдьма была, вашескобродіе, даромъ что молодая и изъ себя очень даже видная. Красоту-то Богъ ей далъ, а доброты къ простому человѣку нисколько не отпустилъ... Донимала

всячески няньку. Она, значить, и упользовалась случаемъ и осталась на чужой сторонѣ. Тогда еще про объявку воли не слыхать было. Мы за годъ до Крымской войны въ плаванье ушли... Послали одного мичмана искать няньку, только онъ ее не сыскалъ... Гдѣ ее сыщешь

въ большомъ городѣ?.. Однако, объявку о ней капитанъ концырю подалъ, чтобъ вернули ее. Такъ больше, чтобы утихомирить супругу, потому — подавай, не подавай объявки, а у этихъ самыхъ англичанъ

нѣтъ положенія, чтобы выдать бѣглаго человѣка, ежели онъ ничего худого не сдѣлалъ. Живи себѣ—сдѣлай одолженіе!.. Вышли мы изъ Порцмута въ океанъ, а наша-то капитанша злая-презлая безъ няньки... Выйдетъ это она на верхъ, качки не боялась, сядетъ на кресло соломенное, что для ей на югѣ ставили, сидитъ да за сынишкой приглядываетъ. А мальченка шаловливый и шустрый былъ. Извѣстно, на мѣстѣ долго не постоитъ, все-то ему высмотрѣть хочется, все-то ему любопытно... Онъ вертится около матери да, смотришь, и убѣжить, по транспорту носится... Ей и безпокойно за сынишку... „Какъ бы грѣхомъ за бортъ не упалъ...“ А шли мы съ попутнымъ вѣтромъ ходко... „Алеутъ“ хорошо садилъ... Ну, извѣстно, матери и страшно за свое дитя... А „Алеутъ“ накренившись... Океанъ-то съ подвѣтреннаго борта и вовсе близкокъ... Кликнетъ она съ себѣ сынишку, распушитъ, когда и за ухо оттаскаетъ, не велитъ отходить отъ себя, а онъ присмирѣетъ на минутку около матери, а потомъ—смотришь,—ровно жеребчикъ несется по палубѣ... Прошло такъ дня три, что капитанша сама за няньку при сынѣ была... Наконецъ, на четвертый день вышла это она послѣ чаю на ютъ къ мужу и говоритъ ему: „Такъ молъ и такъ, а мнѣ не въ моготу одной справиться...“ А ей, ваше-скобродіе, и справляться-то не съ чѣмъ было... Знай себѣ въ креслѣ сидитъ да съ офицерами пустыя лясы точить!—вставилъ Нилычъ, видимо неодобрявшій пустыхъ лясъ.—„Назначъ ты мнѣ, говоритъ, Иванъ Степанычъ, какого-нибудь расторопнаго и умнаго матроса, чтобы онъ за Володей смотрѣлъ, безотлучно

при немъ находился и за него отвѣчалъ!“ — „Ладно, назначу“, — это ей въ отвѣтъ капитанъ, — „но только, говоритъ, ты здѣсь, Леванида, не мѣшай пожалуста... Здѣсь, говоритъ, вахтенному офицеру мѣсто, а ты иди въ каюту или къ своему креслу, а я сейчасъ пришлю къ тебѣ матроса!“ А я стою у штурвала подъ ютомъ, слышу ихъ разговоръ и самъ про себя думаю: „Не скусно будетъ тому матросу, коего командиръ въ няньки назначить. И капитанша вѣдомистая, ну, и командиръ тоже былъ человѣкъ безъ правильнаго разсудка... Шаловатый какой-то, и съ имъ не узнать, съ какой онъ ноги всталъ и за что разбранить. Это самые нудные командиры, съ которыми неизвѣстно, ждатель ли по уху или добраго слова... Вовсе здряные люди, вашескобродіе! И здря на-кажутъ, и здря вину пропустятъ... Другой командиръ и строжѣй, но ты съ нимъ по крайней мѣрѣ знаешь, за что онъ тебя изругаетъ, за что ударить, за что велить отодрать... А съ этимъ самымъ Иванъ Степанычемъ въ неизвѣстности... Поди-ка приспособься къ нему!“ — Думаю я такимъ манеромъ, какъ вдругъ капитанъ меня окликнулъ и приказываетъ: „Какъ съ вахты смѣнишься, явись ко мнѣ, Лоховъ!“ — „Есть“, отвѣчаю и въ тую жъ минуту понялъ, что безпремѣнно это онъ меня въ няньки назначить... И въ большую тоску впалъ я тогда, вашескобродіе, что изъ рулевыхъ меня въ няньки и къ этой самой капитаншѣ подъ начальство... Однако, тоскуй не тоскуй, а ничего не подѣлаешь... Смѣнился съ вахты и въ капитанскую каюту... „Доложи, молъ, Егорка“. Вошелъ. Капитанша обсмотрѣла меня и что-то по-

французскому сказала капитану. — Ну, думаю, шабашъ. Въ нянькахъ! И тую жъ минуту капитанъ сказалъ: „Какъ отобѣдаешь, явись къ барынѣ. Я тебя, говоритъ, назначаю въ родѣ бытто няньки къ моему сыну. И никакой другой службы не будешь знать, окромя того, чтобы за молодымъ бариномъ ходить и быть при немъ постоянно и безотлучно, какъ только онъ изъ каюты выйдетъ. Понялъ?“ — „Понялъ, вашескобродіе?“ — отвѣчаю. А Леванида это самая такую ласковой прикинулась, что и не обсказать. Глаза словно бы у горлицы. Лицо доброе, предоброе. И голосъ обходительный. И все она меня голубчикомъ величаетъ. „Ты, говоритъ, голубчикъ-матросикъ, хорошенько за Володиной смотри. Ничему дурному голубчикъ, не учи. Мы, говоритъ, тебя, голубчикъ, за то наградимъ!..“ Однако пора и передышку сдѣлать и покурить, вашескобродіе!

II.

— Ну, и донимала же она этого самага голубчика! И то не такъ, и это не такъ. И зачѣмъ Володинька бѣгаетъ много и зачѣмъ не бѣгаетъ. И по какой-токой причинѣ синякъ у него оказался. И почему куртка разорвана... Скулить, душу выматываетъ, вашескобродіе, и чтобы ты слушалъ и молчалъ... А я и безъ того молчалъ. — Нечего, мошь, съ бабой

связываться. Отскулить—уйду. И мальчика учила все ей докладывает про меня... Какъ-то зашибся онъ, маленько изъ носа кровь пошла — къ матери побѣжалъ, реветъ ревмя. Та тую жъ минуту меня капитану обвиноватила. „Не смотритъ, молъ, матросъ, за ребенкомъ, одного его оставляетъ. Не слушается, говоритъ, твоихъ приказаніевъ“. Подзадориваетъ, значить. А капитанъ и безъ того въ разстройкѣ былъ. Вижу я это и докладываю, что барчука не оставлялъ и завсегда при немъ, а что зашибся онъ, упамши на палубѣ. — „Молчать! Запорю!..“ закричалъ капитанъ. Однако, всего двадцать пять линьковъ велѣлъ выпать... Послѣ этого сталъ мой барчукъ въ понятие входить... Берегъ, значить, свою няньку... Сердцемъ жалостливъ былъ... Зашибется—смолчить, матери не жалуется... И жили мы съ нимъ дружно. Заберемся, бывало, на бакъ подальше отъ глазъ капитанши и проводимъ тамъ время. Я ему сказки сказываю, игрушки мастерю, всячески занимаю его — онъ и радъ. И матросы съ имъ занимались, любили капитанскаго сынишку. Ну, извѣстно, на бакъ всякій разговоръ промежъ матросовъ бываетъ... Сами изволите знать, вашескобродіе, что матросику тамъ только и отвести душу... Барчукъ, значить, и слушалъ да умишкомъ своимъ малымъ раскидывалъ, и почуяла ребячья душа правду и жалость.

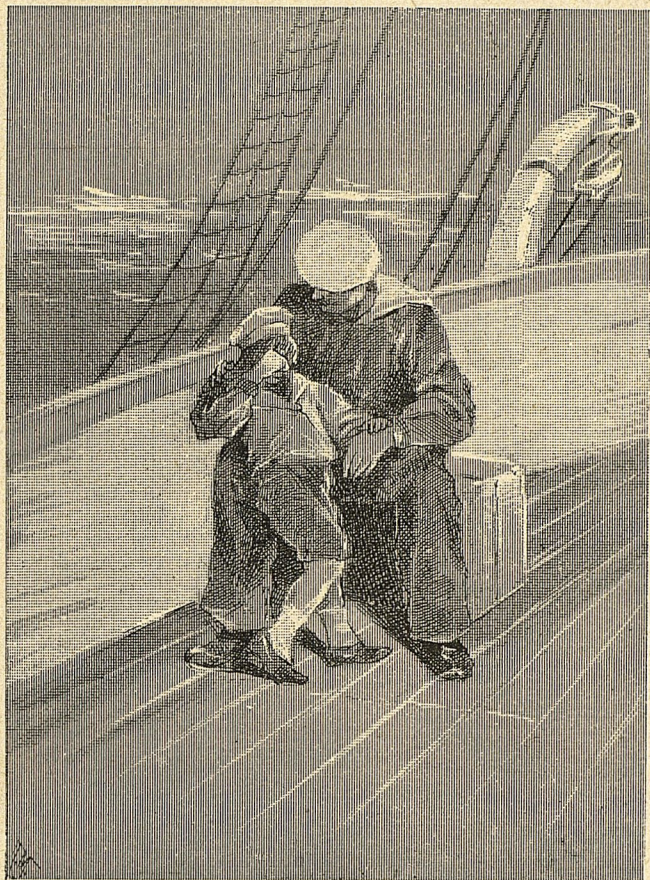
Нилычъ на минутку въ раздумьи примолкъ...

И затѣмъ, усмѣхнувшись, продолжалъ:

— А между тѣмъ изъ-за этого самаго мнѣ новая шлифовка была, вашескобродіе!

— Какъ такъ?

— Опять же вѣдьма-барыня. Вѣстовой капитанскій Егорка мнѣ послѣ объяснилъ, какъ она настраивала капитана. Порчу, молъ, мальчика. Дурному его

научаю. На бакѣ все держу его. „Мальчикъ, говорить, ругаться выучился и матросскія слова говорить. Я ему наказывала на моихъ глазахъ съ мальчикомъ

быть, а онъ не слушается...“ Однимъ словомъ такъ наговорила, что капитана въ разстройку привела, и онъ велѣлъ мнѣ отпустить пятьдесятъ линьковъ до подъема флага... Спасибо еще унтеръ-офицерамъ, легко били да и старшій офицеръ будто не глядѣлъ. потому что не за настоящую службу наказывали, а такъ себѣ, за мальчика... Не серьезное, молъ, дѣло. Къ подъему флагу вышелъ барчукъ и манить на бакъ. Пришли. Онъ за мачту манить. Пришли за мачту. Тогда онъ вдругъ бросился ко мнѣ, цѣлуетъ и говоритъ: Я вырасту большой, никогда не буду матросовъ наказывать. Никогда. И я не виноватъ, что тебя наказали. Я и мамѣ говорилъ, что не буду наказывать!“ И самъ весь дрожить... и на глазахъ слезы. Жалѣлъ, значить, меня. И такъ меня эта ласка въ тѣ поры тронула, вашескобродіе, что и злость моя затихла противъ капитана и его супруги... Однако съ той поры на бакѣ мы больше не проклажались, все болѣе на шканцахъ время проводили.. Доплыли мы такимъ манеромъ до экватора и заштилевали. Паруса обвисли... Покачиваемся себѣ на мертвой зыби и ни съ мѣста... Жара немогущая... Ровно бы дышать нечѣмъ... Пробыли мы въ такомъ положеніи день десять и сколько еще штилевать, скоро ли выберемся изъ этихъ безвѣтряныхъ мѣстъ — неизвѣстно было. Штурманъ сказывалъ, что теченіемъ много, много если на двѣ, на три мили впередъ подастъ... Нудно всѣмъ было, вашескобродіе... Всѣ заскучали. Надо-ѣло и моему барчуку глядѣть. какъ летучая рыбка на солнышкѣ блещетъ, выскакивая изъ воды. какъ кить фонтанъ пускаетъ да акулье у борта шнырить

подлое, все ждетъ, не будетъ ли поживы. И бѣлые альбатросы прискучили.. И жара доняла... Только вечеромъ, какъ солнце закатится, и передохнуть отъ нея можно... Ночь хотя и жаркая, а все же легче... Такъ три недѣли маялись, вашескобродіе... И еще слава Богу, что мало. Сказываютъ, бытто по мѣсяцамъ штилевали, и многіе отъ цынги помирали... Потому-то акулье и держится въ этихъ мѣстахъ. И у насъ на „Алеутъ“ шесть человѣкъ было въ цынгѣ... однако, живы остались. Какъ выбрались мы изъ штилевой полосы и задулъ вѣтерокъ—обрадовались... И приказалъ капитанъ держать курць на мысь на Надежный... *) Вотъ въ этотъ-то самый день и случилась бѣда, вашескобродіе.

Около терассы, гдѣ мы сидѣли съ Нилычемъ, слышался шорохъ. Нилычъ насторожился.

— Кто здѣсь?—спросилъ я.

— Я, баринъ! —отвѣчала своимъ пѣвучимъ голосомъ Акцына.—Нилыча слушаю.

Нилычъ благодушно усмѣхнулся. Дескать, пускай ее слушаетъ. И продолжалъ:

— Успросился я въ то утро увольнить меня отъ барчука по той причинѣ, что стирать его бѣлье было надо... Капитанша уволила, но только приказала, чтобы поскорѣй справлялся... Ей, молъ, некогда... Еще бы!.. Съ мичманами лясничась надо было по случаю того, что Богъ вѣтру послалъ... И сама она по тому же случаю, видно, разрядилась и въ себя пришла... А то вовсе было раскисла, какъ подъ эква-

*) Мысь Доброй Надежды.

торомъ штилевали... Ну, выстиралъ я съ ранняго утра бѣлишко, повѣсилъ на простушку, затѣмъ выкаталъ, отнесъ въ каюту и пошелъ послѣ того трубченку покурить и съ ребятами на бакѣ полясничать, вмѣстѣ порадоваться, что опять ходу взяли... И славно такъ „Алеутъ“ шелъ... Ровно лебедь бѣлая подъ всѣми парусами съ легкимъ брамсельнымъ вѣтромъ узловъ по пяти, по шести въ часъ отмахивалъ. Поглядѣлъ я на ютъ, а капитанша на креслѣ... Около офицеры... А капитанъ у поручней стоитъ... О чемъ-то со старшимъ штурманомъ разговариваетъ... И веселый такой—тоже радуется, что „Алеутъ“ забралъ ходу и съ волны на волну вскакиваетъ... А мальчишки моего что-то не видать... Пора, молъ, мнѣ къ нему, а то барыня заскулитъ... Побѣжалъ я на ютъ и... обомлѣлъ... Гляжу, мой-то барчукъ залѣзъ на бортъ и хочетъ пробраться на вельботъ, что висѣлъ на „боканицахъ“. „Ахъ, ты, подлый! Такъ-то ты смотришь за сыномъ!“ Увидала она меня, повернула голову, побѣлѣла вся и замерла въ страхъ... А корму поддало, а барчукъ тую жъ минуту сорвался и пропалъ изъ глазъ и упалъ, значитъ, въ море... Мать-то закричала не своимъ голосомъ... Никогда не забыть мнѣ, вышескобродіе, этого крика... Ну, я перекрестился и за бортъ... мальченку вызволять...

— Спасли паныча, Нилычъ?—раздался изъ-за террасы полный тревоги голосъ Ақцыны.

— А ты, хохлушка, не перебивай, коли хочешь слушать,—недовольно крикнулъ Нилычъ.

И, повидимому, нарочно сдѣлавъ длинную паузу, продолжалъ:

— Вынырнулъ изъ воды, гляжу на слѣдъ за кормой, вижу — барахтается барчукъ... Я къ нему по саженкамъ изо всей мочи наваливаюсь... Плавать я былъ здоровъ, вашескобродіе... И голосъ подаю: не бойся, моль, Володя... Крикнулъ и онъ... отчаянно такъ... Обезсиливалъ, видно... И въ самый разъ я доплылъ до него... ужъ тонуть началъ бѣдняга... Ну, схватилъ я его за волосы, встряхнулъ, какъ щенка, держу одной рукой и назадъ... А ужъ „Алеутъ“ далеко отъ насъ въ дрейфу легъ и навстрѣчу намъ баркасъ идетъ. И пока онъ шель, страшно было, вашескобродіе... Акулы боялся... Увидитъ, думаю, подлая, и тутъ намъ съ барчукомъ и крышка... Утромъ еще акуль-рыбу видѣлъ... Плыла за транспортомъ такая большущая, а при ней вродѣ бытто адъютанты двѣ маленькіхъ рыбки, лощманами прозываются... И чтобы не увидала она, взялъ да и легъ на спину и барчука на грудь посадилъ, обнадеживаю. Скоро баркасъ подошелъ, а на немъ капитанъ... Самъ принялъ сынишку и плачетъ... Ну, вернулись на транспортъ, снялись съ дрейфы и айда дальше...

Старикъ замолчалъ и закурилъ трубку.

— А что же капитанша благодарила васъ?..—спросилъ я.

— Благодарила... И когда въ Сихту пришли, за мою службу въ нянькахъ рубль дала!..—не безъ ироніи сказалъ Нилычъ и прибавилъ:—Однако, и спать пора, вашескобродіе... Довольно наговорилъ вамъ... Въ другой разъ расскажу, какъ мы на бригъ „Проворномъ“ чуть всѣ не потопли... Идемъ, Кудластый...

Кудластый вскочилъ на ноги, но, казалось, итти ему съ террасы не хотѣлось.

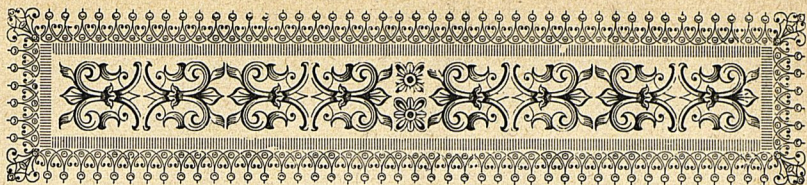
Я упросилъ Нилыча напитокъ чаю и просилъ Акцыну скорѣй подать самоваръ.

На этотъ разъ Акцына собрала на столъ очень скоро и съ особенною внимательностью пододвинула Нилычу блюдо съ холодными дикими утками.

РАЗСКАЗЫ
СТАРАГО БОЦМАНА.

III.

„НА ПРОВОРНОМЪ“.

НА „ПРОВОРНОМЪ“.

I.

— Скажи пожалуйста, какой генераль! Распустилъ хвостъ и полагаетъ о себѣ! Много въ тебѣ ума видѣли... Глупая кура и та понимаетъ, какой ты глупый... А поди-ка! Какой важный!

Эта ворчливая рѣчь Нилича однажды раннимъ утромъ донеслась отъ сарая до балкона.

Я не догадался, съ кѣмъ разговариваетъ Ниличъ. Около Нилича ни души.

Кудластый, къ которому Ниличъ иногда обращался, сидѣлъ около балкона, ожидая обычной подачи: нѣсколько кусковъ булки и куска сахара.

Акцына еще не собирала на столъ, и Кудластый часто поглядывалъ на кухню.

Прошла минута, другая, и Ниличъ проговорилъ:

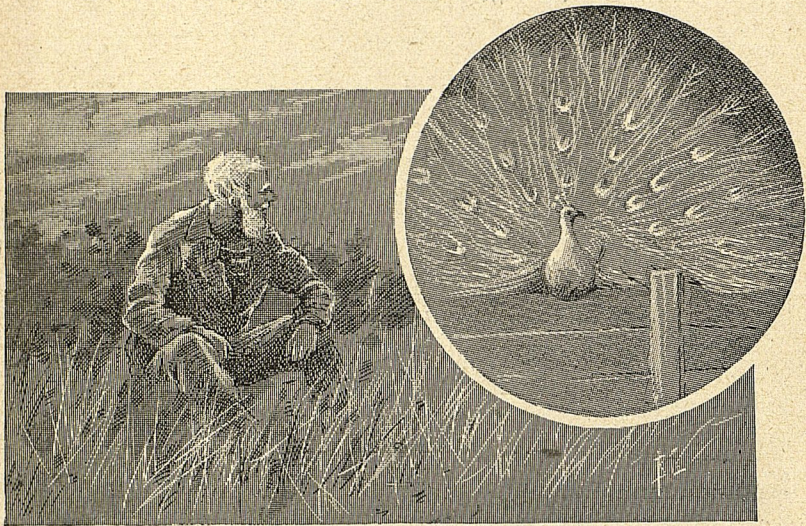
— Много такого народа изъ вашего званія! Одѣлся во весь парать. . Вотъ моль, я какой!.. А что въ тебѣ есть, кромѣ что хвостъ... Форменный дуракъ и есть!

Я заинтересовался, кого это Ниличъ отдѣльваетъ, и пошелъ къ сараю.

— Съ кѣмъ это вы разговариваете, Нилычъ? — спросилъ я послѣ привѣтствія съ добрымъ утромъ.

— А вотъ съ этимъ самымъ дуракомъ, вашескобродіе!

Нилычъ указаль коротко остриженной сѣдой головой на сидѣвшаго на заборѣ красавца-павлина съ

распущеннымъ яркимъ хвостомъ. И не безъ раздраженія прибавилъ:

— Очень воображаетъ, вашескобродіе!

— Такой птицы не любите, Нилычъ?

И я присѣлъ на другомъ обручкѣ около сарая.

— За что ее любить?..

И черезъ минуту сказалъ:

— А главная причина, вашескобродіе, что смотрю на нее, и въ головѣ понятіе: „Положимъ: ты глупая

птица и никого не обижаешь... А ежели взять въ разсудокъ человѣка вродѣ какъ павлина?"

— Видали такихъ людей?

— То то попадались на своемъ долгомъ вѣку. Еще павлинистѣй этого павлина бываютъ люди, вашескобродіе. И не подступись: фу, ты, на! Я, молъ, о себѣ очень понимаю. И вы всѣ прочіе меня такъ понимайте и бойся!.. Но только по флотской службѣ это никакъ не годится!—неожиданно прибавилъ Нилычъ и рѣшительно пыхнулъ дымкомъ махорки изъ своей трубочки.

— Почему?

— А по тому самому, что ты не на сухопутьѣ, павлинѣ... Кругомъ вода... Хвостъ-то подмочить. Чуть ежели море себя окажетъ, такъ весь форцъ собьеть... Не полагай о себѣ, сдѣлай одолженіе! И вѣдь вовсе окажется мокрѣй мокрой курицы... Знавалъ я, вашескобродіе, одного командира Нельмина, Андрея Николаича. Можетъ, знали, вашескобродіе?

— Нѣтъ.

— Слыхали, можетъ?

— И не слыхалъ.

— Подъ судомъ былъ... Но строгой лезорюціи не вышло... Только уволили отъ флотской службы. На сухопутную службу перешелъ.

— За что судили?

— А за то, что не оказалъ своего флотскаго отчаянія, когда лѣтъ сорокъ тому назадъ на бригѣ „Проворномъ“ разбивались. И очень красивый изъ себя былъ Нельминъ. Это распустилъ хвостъ и во все какъ павлинѣ форменный. Выйдетъ на полуотъ,

смотритъ на ученье и молчитъ, охорашивается. По той причинѣ матросы про себя: „Павка“ да „Павка“. А чуть замѣтитъ какую-нибудь заминку, сейчасъ старшему офицеру со всей вѣжливостью: „Будьте добры, Сергѣй Сергѣичъ, велите отполировать виновныхъ послѣ ученья!“ И еще больше распуститъ хвостъ... А не кричалъ и не ругался... Такъ вотъ, какъ втемяшились мы въ бѣду, „Павка“ во всей формѣ и оказалъ себя... Однако, Акцына самоваръ вамъ подала... Извольте чай кушать!—прибавилъ Нилычъ.

— А потомъ расскажете, Нилычъ, какъ вы разбивались на „Проворномъ“?

— Отчего не рассказать...

— Вы гдѣ разбились?..

— У самага „Гохлана“-острова.*) вашескобродіе... Очень даже Бога вспоминали... И не вызволь насъ Сергѣй Сергѣичъ Карякинъ... старшій офицеръ... давно бы всѣ на днѣ сгнили... Обскажу и про него, вашескобродіе, со всей охотой... Вонъ и Кудластый пришелъ васъ звать... Собака, а лукавъ шельма!.. Набаловали вы его, вашескобродіе.

Я ушелъ, сопровождаемый Кудластымъ на балконъ.

Черезъ полчаса, когда я и Нилычъ напились чаю, хозяйка уже поднялась и „нудила“ Акцыну и Карпо. Я пошелъ въ сарай.

Нилычъ съ сердцемъ закрылъ двери сарая и проговорилъ:

— По крайности не услышимъ, вашескобродіе, какъ зудитъ эта укусная!

*) Готландъ—островъ въ Балтійскомъ морѣ.

И, затянувшись махоркой, выбилъ трубку, спряталъ ее въ карманъ штановъ, присѣлъ на своей койкѣ и началъ.

II.

— Назначенъ я былъ на бригъ „Проворный“ первогодникомъ. Совсѣмъ, значить, вродѣ желторотаго галченка по флотской части я увидалъ море. Всего заливъ Финскій, а, не бойсь, сердитый осенью... И ходи по немъ съ большимъ умомъ... Знаете, вашескобродіе, сколько острововъ, мелей да банокъ? Того и гляди напорешься. И спервоначала зря, безъ всякаго разсудка я опасался моря. Однако, вижу кромѣ первоодниковъ никто не боится... И флотскаго боя опасался. Боцманъ Арсентьичъ на „Проворномъ“ былъ очень скоръ по характеру. И требовалъ, чтобы первоодокъ былъ скоръ на флотское понятіе. И входили въ понятіе. Кулакъ-то у Арсентьича былъ форменный... А не куражился передъ матросомъ. Заступался за насъ передъ офицерами... Не боялся, ежели его и самого за то накажутъ... И чтобы клязузу какую... на матроса... ни Боже, ни!

Нилычъ примолкъ на минуту и продолжалъ:

— А больше всего опасался полировки, вашескобродіе... Но только опасайся, не опасайся, а какъ счастье... И больше всего приказывалъ наказывать „Павка“. Даромъ, что никогда, не то, чтобы кричать, вродѣ какъ зарѣзанный, а даже голоса не подавалъ, а боялись „Павки“. И Богъ его знаетъ, ка-

кое было въ немъ понятіе, чтобы при всей обходительности и тихости, а иногда просто зря, изъ-за пустячнаго дѣла, обезкураживать команду. И упрямый былъ... „А это, говоритъ, я наказываю для порядка...“ И очень полагалъ о себѣ преотличнымъ капитаномъ. Все самъ да самъ. И со старшимъ офицеромъ — командиръ бывало надуется, „Павка“ и есть. А Сергѣй Сергѣичъ, старшій офицеръ, и „молодца“ по службѣ былъ и рѣдко, когда самъ прописывалъ по лировку. Жалѣлъ матроса. А больше побьетъ и простить. И билъ съ большимъ разсудкомъ... Правильный былъ бой, не ожесточенный. По бою можно понять человѣка: какое въ немъ сердце... Со злобы или для острастки дерется... А шумѣть — шумѣлъ... И быто самый страшный, какъ глаза выкатить, да бровь насупить. Бакенбарды такіе большіе... Пока мы первогодки были глупы, такъ думали: „гроза!“ Боялись... И ругаться любилъ и ужъ какъ затѣйно ругался... Но въ скорости я понялъ Сергѣй Сергѣича, что онъ доберъ и нашимъ братомъ не брезгуетъ... И о себѣ не полагалъ... Добромъ-то его и вспомнишь. И ему покойно доживать вѣкъ... Совѣсть - то не зазрить. Не обижалъ людей.

— Развѣ вашъ Сергѣй Сергѣичъ живъ? — спросилъ я.

— Отчего ему умирать, вашескобродіе! — не безъ чувства обиды отвѣтилъ Нилычъ. — Моихъ лѣтъ будетъ. Въ прошломъ году еще, слава Тебѣ Господи, живъ и крѣпкій былъ... Встрѣлъ его въ Курскомъ... Въ отставкѣ... На пенсіонѣ... И призналъ... Вспомнилъ, какъ мы вмѣстѣ на бригѣ бились... И велѣлъ

на квартиру зайтить. Зашель. Вижу, какъ и я, одинокій живетъ. Жены, видно, не подобралъ по своему понятію... Оно и лучше, ежели по душѣ не нашель. Ни ссоры, ни обиды въ домѣ нѣтъ. Своему старому слугѣ велѣлъ поднести мнѣ водки и накормить. А чай къ себѣ позвалъ... И съ ромомъ... О „Проворномъ“ припомнилъ... спрашивалъ, по какой части я находился послѣ отставки... „Пробираюсь, молъ, въ теплыя мѣста... Бродяжить, молъ, въ охотку... Гдѣ поработаешь и айда...“ Который человѣкъ не въ просторномъ разсудкѣ и не пойметъ, что мнѣ такъ душевнѣе, чѣмъ жить примѣрно въ швейцарахъ или въ сторожахъ, — такъ сейчасъ за свою хлѣбъ-соль начнетъ зудить да обсуживать, что живешь не по порядку, какъ всѣ прочіе, — а Сергѣй Сергѣичъ башковать и доберъ... Не обезсуживалъ... Ни однимъ словомъ... И на прощанье наказывалъ безпремѣнно зайти, ежели въ Курскомъ буду... То-то оно и есть... Дай Богъ здоровья и покоя Сергѣю Сергѣичу! — сердечно прибавилъ Нилычъ.

III.

— Первое же лѣто, слава Тебѣ, Господи, я началъ понимать матросскую службу. И качки не боялся. На то, молъ, и матросъ, чтобы къ качкѣ привыкъ и зря не боялся. И полагаю я такъ, вашескобродіе: всякій человѣкъ, какой не считаетъ себя отчаяннымъ, боится моря. Только одинъ боится зря, безъ разсудка, а другой — съ разсудкомъ. Понимаетъ, когда бѣда. Но понимай, не понимай, да трусу не праздноуй. Не

Разказы стараго боцмана.

сухопутье. Не уйдешь отъ бури. Съ ей справляйся. Въ работѣ и страхъ легче. Не даромъ на людяхъ и смерть красна. Какъ въ Балтинскомъ въ первый разъ увидалъ я злущую волну, душа замерла. Жду—захлестнетъ. Бригъ - то маленькій, волна высокая. Однако вижу: „Проворный“ только поднимается, да опускается съ волны на волну и только отряхивается, ровно утка, отъ воды, когда верхушка попадаетъ на бакъ. И опять же смотрю: и боцманъ Арсентьичъ и другіе матросы какъ ни въ чемъ не бывало. Чѣмъ же, моль, я хуже другихъ!.. Страхъ и проходилъ. И боцманъ и матросы видятъ, что стараюсь войти въ понятіе и не лодырничая. И легче мнѣ стало привыкать. И первое лѣто проходили мы на „Проворномъ“ благополучно. А на слѣдующее лѣто самъ Александра Никитичъ, старшій штурманъ, назначилъ меня рулевымъ подручнымъ „Ты, говоритъ, Лоховъ, башковатый матросъ!“ Довѣрилъ, значить, моему понятію. И Арсентьичъ обнадежилъ. „По твоей, говоритъ, должности рѣдко когда „Павка“ прикажетъ тебя пороть. Только, говоритъ, не зѣвай на штурвалъ!“—И какъ сталъ я, вашескобродіе, на руль, обсмотрѣлъ я настояще и капитана, и старшаго офицера, и штурмана Александра Никитича и прочихъ офицеровъ на вахтѣ. Потому завсегда они около, на полуютъ, а штурвалъ подъ имъ. Много смекаешь и понимаешь больше людей. И тутъ я и обмозговалъ, что нѣтъ въ капитанѣ настоящей флотской отчаянности. Только о себѣ полагаетъ и себя хочетъ показать, какой онъ такой отчаянный, какъ онъ „Проворнымъ“ управляется и какая у него обученная

команда. И форснуть любиль, какъ ежели въ морѣ не очень свѣжо... А какъ ежели вѣтеръ форменно задуеть, и мы идемъ одни, не въ эскадрѣ, значить, „Павка“ сейчасъ прикажетъ паруса уменьшить, да третій рифъ брать. Другой командиръ жарить себѣ и безъ рифовъ, а „Павка“ зря опасается... Очень трусливая была въ емъ душа. А скрываль. Конфузно то при людяхъ... И обижался, ежели старшій офицеръ во всемъ своемъ подчиненномъ уваженіи попросить повременить брать рифы или—къ примѣру сказать—убрать брамсели.

— Что же капитанъ?

— Извѣстно, что: „Павка“ и есть, вашескобродіе. Надуется, хвостъ распустить и безо всякаго крика, очень даже тихо отчеканить: „Когда, — говоритъ, — вы, Сергѣй Сергѣичъ, будете командиромъ, какъ вамъ, молъ, вгодно. А здѣсь, — говоритъ, — я есть командиръ и отвѣчаю за бригъ!“

— А что старшій офицеръ?

— Раза два пробоваль и бросиль связываться... „Что, молъ, съ тобой бабой-командиромъ зря разговаривать!“ Сказывать ему не осмѣливался, а видно, что такъ понимали „Павку“ и Сергѣй Сергѣичъ, и Лександра Никитичъ, и всѣ прочіе офицеры... Всѣмъ было зазорно за „Проворнаго“... И мнѣ, вродѣ какъ обидно, вашескородіе, даромъ, что только начиналь понимать флотскую службу.

— А вамъ, Нилычъ, за что было обидно?

— Да какъ же, вашескобродіе! Бывало, по настоящему, жарить бы „Проворному“ подъ всѣми парусами, безо всякой опаски, узловъ по десяти въ полѣ-

вѣтра, а онъ ползеть по три, по четыре узла, съ позволенія сказать, вродѣ какъ насѣкомое... А „Проворный“ могъ бы кличку оправдать... Отлично ходилъ. . Послушливый былъ... даже щекотливый къ рулю. Доброе, ласковое было судно... Не въ тѣ руки попасть бы „Проворному“... А вмѣсто того...

И Нилычъ словно бы догадался, что я нетерпѣливо жду разсказа о томъ, какъ Нилычъ „вспомнилъ Бога“, вдругъ оборвалъ рѣчь и промолвилъ:

— Не обезсудьте, вашескобродіе, старика... Языкѣ-то распустилъ, какъ старину вспомнилъ... Сей секундѣ обскажу, какъ это мы въ отчаянность пришли у Гогланъ-острова... Дозвольте только трубчонкой заняться... Горло прочистить.

IV.

Старикъ сдѣлалъ нѣсколько затяжекъ, откашлялся и началъ:

— То-то и есть вода, вашескобродіе! И очень даже всѣ обрадовались, когда пошли въ Кронштадтъ на зимовку. Слава Богу, пять мѣсяцевъ шатались по Финскому заливу на флотскомъ положеніи. Все тебѣ: вода да вода. И ходи по другому, по палубѣ въ качку. И ночи не досыпай. И завсегда будь на чеку. Опасайся оплошки... Опасайся строгости... Одно слово, вовсе непривычная жизнь... Вѣдь человѣкъ тварь сухопутная, вашескобродіе... И на сухопутѣ лестнѣе русскому человѣку... А ежели семейный—еще лестнѣе... При своихъ, въ близости... Такъ я полагаю, ваше-

скобродіе... И въ дальнюю ходилъ. . И форменнымъ боцманомъ былъ... И харчъ хорошій.. А много, бывало, тосковалъ по землѣ... И какъ вышла отставка, вотъ, какъ изволите видѣть, весь я тутъ... И слава тебѣ, Господи!.. Носятъ ноги... Много мѣстъ повидалъ и по вольной волѣ живу теперь... Пропитывай только себя и не забижай людей... Главное, дитю... Долго ли его забидѣть. И душа не тоскуетъ, какъ прежде... То-то она и есть своя воля, вашескобродіе!..

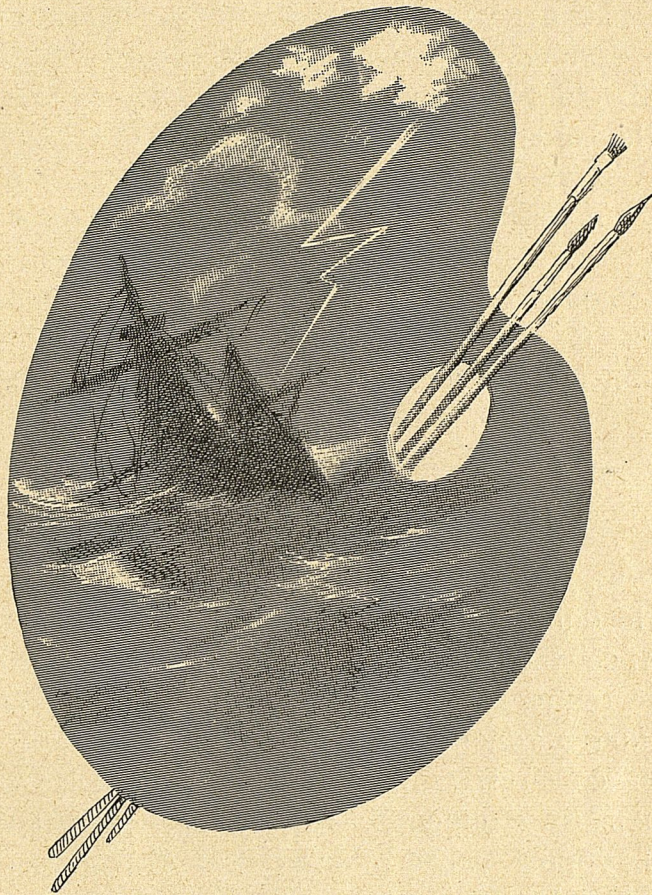
И, сѣдой какъ лунь, Нилычъ, словно бы просвѣтлѣлъ. Глаза его оживились. Вся его сухощавая небольшая фигура дышала бодростью и силой.

— Какъ подняли въ Ревельской гавани якорь на разсвѣтѣ, въ позднюю осень, перекрестились... Погода была хоть и мокрая—дождь и облачно, а вѣтеръ прямо-таки намъ попутный, и въ гавани не оказывалъ, чтобы очень свѣжій. „Павкъ“ и на руку. Доволенъ. Поставили мы на свои двѣ мачты марселя, брамсели, гротъ и фокъ, подняли всѣ кливера и... айда изъ гавани. И обнадежены, ежели хорошимъ пойдемъ ходомъ, черезъ сутки — отдадимъ якорь въ Кронштадтѣ и потомъ „Проворнаго“ въ гавань... разоружимъ его въ недѣлю и на берегъ—въ казармы... Какъ вышли, вѣтеръ оказался посвѣжѣй... И зайчикъ по морю. Однако, „Павка“ ничего... Сказывали—невѣста у него была—адмиральская дочь въ Кронштадтѣ, такъ и самъ торопился... И такимъ родомъ пробѣжали мы между острововъ, обогнули банки и взяли вправо, на широкую дорогу въ Кронштадтъ, мимо „Гогланъ“-острова, что какъ разъ на полъ-дорогѣ, на прямой пути. Приказанъ рулевымъ курцъ, и „Про-

ворный“ забралъ ходу... Понесся въ бакштанъ узловъ по девяти... Только слегка накренившись, раскачивался... А въ открытомъ морѣ вѣтеръ больше свѣжѣлъ... И волна зашумѣла.. и большая... и словно злющая стала... Кипить и на верхахъ вся бѣлая... Брызги такъ и летятъ на бакъ... А прозѣвай на руль,—такъ и верхушка вкатится, да и уйдетъ въ море назадъ... Однако, жаримъ... Смотрю на „Павку“ и диву даюсь... „Брамсели, молъ, не велить убирать...“ И пошелъ онъ въ свою каюту пить чай... А старшій офицеръ и Александра Никитичъ, старшій штурманъ, переглянулись только и усмѣхнулись... „Ишь, молъ, каковъ „Павка“! Зря не празднуетъ труса!“ И спустились въ каютъ-кампанію. А наверху остался мичманъ... Прозвище запомнвалъ, а былъ онъ Каръ Карычъ *), бѣлобрысый весь и изъ финляндцевъ. Во все молодой, лѣтъ двадцати, а серьезный и даже угрюмый. Молчалъ больше. А драться не дрался... И съ флотскимъ понятіемъ И очень справедливый былъ. Хорошо. Не прошло и полъ-склянки, какъ командиръ вышелъ. Въ тепломъ платьѣ обряженъ—зябко и очень пронзительная была погода. Осмотрѣлъ паруса и велѣлъ брамсели убрать. Убрали. Опять постоялъ и приказалъ Каръ Карычу два рифа у марселей взять и фокъ и гротъ убрать. Вызвали: „всѣхъ наверхъ“. Взяли два рифа и убрали нижніе паруса. Ушелъ „Павка“. Недолго, вашескобродіе, храбрился. „Проворный“ пошелъ тише. Бросили лагъ. Четыре узла. Зря ползъ. Однако, къ полдню зюйдъ-вестъ

*) Оскаръ Оскаровичъ.

сталъ крѣпчать. И кругомъ мглисто. Дождь. Тучи... Вышелъ Лександра Никитичъ, штурманъ. Сердитый сталъ. Все на море поглядываетъ. Видно, недоволенъ

погодой... И „Павка“ вышелъ. Ужъ нѣтъ въ немъ амбици... Вѣтеръ гудитъ въ снастяхъ... Волна сзади большая... Нагонять стала... Верхушка вкатывалась. „Дозвольте фокъ поставить, Андрей Николаичъ: „Про-

ворный“ будетъ уходить отъ попутной волны!“ — вдругъ доложилъ Каръ Карычъ. „Павка“ не согласился. Однако спрашиваетъ Лександру Никитича: „Сколько до Гохлана?“ — „Пятьдесятъ, моль, миль. Къ ночи проходить должны Гохланъ при такомъ ходѣ.“ — „Барометъ падаетъ!“ — говоритъ „Павка“. — „Маленько есть, Андрей Николаичъ!“ — „Какъ бы не заштурмовали, Лександра Никитичъ“. „Можетъ и заштурмуется... А пока что свѣжій вѣтеръ... „Проворный“ могъ бы имъ упользоваться...“ Замолчали. „Павка“ видно въ разстройкѣ — не рѣшается. Однако приказалъ поставить зарифленный фокъ... Опять „Проворный“ забралъ ходу... И сталъ убѣгать отъ волны... Смѣнился я, вашескобродіе, пообѣдалъ и пошелъ спать... На руль приходилось итти съ шести до полуночи...

V.

Нилычъ передохнулъ и продолжалъ:

— Не бойсь, сразу проснулся, какъ сверху зыкнулъ Арсентьичъ: „всѣхъ наверхъ!“ Вылетѣлъ. „Проворный“ идетъ себѣ ходомъ... А погода — страсть. Совсѣмъ почти темень кругомъ — а еще шести не было... И дождь со снѣгомъ... И вѣтеръ здоровый... „Павка“ итти впередъ и опасался. Велѣлъ онъ спустить брамъ-стенги, убрать фокъ и марсели и поставить триселя, штормовую бизань и стагсель. Привели, значить, къ вѣтру и легли на правый галсъ, въ крутой бейдевиндъ. А вѣтеръ сбоку еще больше гудитъ и набрасывается на „Проворнаго“... Кренить его. Ходу впередъ почти и нѣтъ... Раскачивается, значить, бригъ

и больше бокомъ дрейфуетъ. Сталъ я на руль — пробило восемь склянокъ, — а на полуютъ и капитанъ, и Александра Никитичъ, и вахтенный лейтенантъ Баскинъ... И всѣ смотрятъ, не покажется ли огонь маяка... Такъ часъ прошелъ... Не видно огня. А „Павка“ — отъ свѣта изъ компаса на полуютъ лицо оцазываетъ, что онъ вродѣ какъ въ растерянности — къ Александру Никитичу. — „Пора бы огню?..“ — Штурманъ въ отвѣтъ: „То-то не видно“. И сердито прибавилъ: „Шли бы раньше ходомъ — прошли бы маякъ. Докладывалъ... А теперь путаемся... Неизвѣстно гдѣ...“ „Павка“ молчитъ.. А вѣтеръ крѣпчаетъ... Ни зги кругомъ... А по расчету должны мы въ близости отъ Гохлана... Пришелъ и Сергѣй Сергѣичъ. Доложилъ, что все въ исправности на палубѣ и внизу по случаю крѣпкаго вѣтра и спустился съ Леандромъ Никитичемъ къ штурвалу. Постояли подъ полуютомъ... Въ дождевикахъ и зюйдъ-весткахъ погрѣлись и наверхъ. Сергѣй Сергѣичъ опять что-то докладывалъ капитану. За шумомъ не слышно было... Потомъ ужъ узнали, что старшій офицеръ и штурманъ докладывали, что вѣтеръ можетъ сносить къ острову... Надо, молъ, лучше бросить якорь, коли капитанъ опасается подъ зарифленными марселями дать бригу ходъ... „Павка“, видно, не зналъ, на что ему рѣшиться... Блеснулъ будто огонь вправо... И онъ, какъ зарѣзанный: „Право на бортъ!“ Переложили руля... „Проворный“ бросился влѣво... Дали поворотъ и на другой галсъ... А огня не видать... Померещилось ли... съ купца ли огонь былъ — Богъ его знаетъ... И сталъ метаться „Павка“... То на одинъ галсъ, то на другой... Вовсе

сбилъ себя... И замоталъ команду поворотами... Огней не видать, а Александра Никитичъ стоитъ и въ темень всматривается... Да что увидишь?.. Однако, вашескобродіе, никакой опаски еще не думали... Вдругъ... налетѣлъ шкваль... Повалило бригъ... Полетѣлъ... Тогда жутко стало... Замеръ духъ... И въ мысли: а какъ на камень?.. И такъ минута... другая — неизвѣстно сколько. Съ полуята нѣтъ капитанской команды. И ужъ Сергѣй Сергѣичъ во весь голосъ: „Трисея долой... Бизань и стаксель долой...“ Убрали... И подъ снастями бригъ дуетъ... Какъ онъ сразу весь точно пополамъ... Такой трескъ... Съ ногъ сшибло... Матросы только ахнули... Вотъ, молъ, она смерть. Однако, держусь за штурвалъ... А бригъ прыгаетъ... лѣзетъ по камнямъ... и бьется... Пролетѣлъ шкваль... Остановился „Проворный“. Пробую руль... Не дѣйствуетъ. Сломанъ, значитъ. „Вода въ трюмъ!“ — крикнулъ Арсентьичъ. — „Павка“ точно безъ голоса и въ каюту... И опять Сергѣй Сергѣичъ сталъ вызволять... Заоралъ: „Смирно ребята... Не бойсь! Отдать якорь! Другой! рубить мачты... Живо! Фонарей! Къ помпамъ!“ И обнадежилъ, нашелся... Сталъ распоряжаться... Послалъ Каръ Карыча въ крюйтъ-камеру и велѣлъ палить изъ орудія. Бѣдуемъ, молъ! И принялись мы, вашескобродіе, за работу... Видимъ — крышка намъ... а стараемся... Надежду, значитъ, кормимъ... Ну и Сергѣй Сергѣичъ голубчикъ вездѣ поспѣвалъ. Обнадеживалъ. И прочіе офицеры вмѣстѣ съ матросами. Подбадриваютъ. А боцманъ Арсентьичъ по своему обнадеживалъ. Чуть увидитъ матроса въ тоскѣ и вмѣсто работы охаетъ — сейчасъ въ кровь. „Пока

живъ, не лодырничай. Умремъ—тогда будемъ лодырничать“. И наваливались на помпы. А вода все прибываетъ... Бьется нашъ „Проворный“... Вотъ, вотъ—и потонетъ... А ночи еще долго... И гдѣ находимся—неизвѣстно.. А все старались... И Бога вспоминали... И думалъ я про себя, что скоро смерть. Однако не смѣлъ сказать... У Арсентьича рука была тяжелая, вашескобродіе... Да и зазорно передъ своими... Умѣй, молъ, умирать, коли смерть пришла. Не уйдешь!—рѣшительно проговорилъ Нилычъ и примолкъ.

— А гдѣ же вашѣ „Павка“ былъ?

— Въ своей каютѣ сперва метался... вовсе растерянный. Его вѣстовой послѣ сказывалъ, въ какой онъ былъ жалкости. Этно прибѣжалъ сверху, давай деньги свои совать въ карманы. Велѣлъ вѣстовому скорѣй уложить чемоданъ съ вещами и къ образу... на қолѣни... плакалъ... Вскочилъ и заметался... А въ каютѣ вода... И тую жъ минуту Александра Никитичъ... Пришелъ собирать струментъ свой, сектантъ значить, и морскія карты... И не глядитъ на капитана... Не хорошо, молъ. Видитъ казенный сундукъ неубранный и крикнулъ капитанскому вѣстовому: „Живо сундукъ наверхъ! Казенныя деньги поважнѣй капитанскихъ вещей“. „Павка“ ни слова и наверхъ... Сталъ на полують... Молчить... Словно пассажирь... Въ страхѣ крестится... Одно слово, во всей, формѣ себя оказалъ, вашескобродіе! Людей вовсе забылъ... Только о себѣ опасался... Ни разу во всю свою службу не видалъ такого капитана... Ему бы по присягѣ примѣръ подавать — свое судно и людей спасать, а онъ...

И, словно не находя словъ, Нилычъ плюнулъ.

— Ну и ночь была, вашескобродіе... Какъ вспомнишь... Конца не было ночи! Вода подъ палубу подошла... Мѣстами выпирало ее. Волны перекатывались... По колѣни въ водѣ... Мерзли. И трудно было работать.. Того и гляди—смоетъ. И нѣсколько ребятъ смыло. А двое первогодки, вовсе молодые матросики, въ отчаянности бросились въ воду — хотѣли спастись вплавь... А куда—развѣ вздумали въ тоскѣ? За ими еще двое хотѣли броситься. Такъ Сергѣй Сергѣичъ увидаль и сталъ уговаривать. А они голосомъ: „Дозвольте, ваше благородіе!“ Вовсе обезумѣвшіе. Такъ Арсентьичъ наскочилъ и бытто сердитый пригрозилъ, что искровянитъ... Такъ вѣдь испугались и жить захотѣли пока что!.. А всѣ мы приунывать стали... Только голубчикъ Сергѣй Сергѣичъ бытто и не унываетъ. Тутъ онъ весь и оказался, какъ за людей безпокоился. И все о спасеніи придумываль и работой насъ занималь. Приказаль приготовить къ борту срубленныя мачты, велѣль бросать за подвѣтренный бортъ нижнія рей, рангоуть, доски, койки... И самъ тутъ около насъ... зазябшій въ одномъ кожанѣ... И все обнадеживаль... „Цѣлы, моль, будемъ. На берегъ доберемся, братцы!“ И такъ весело говорить. Однако ужъ вѣры мало... Работали безъ надежды... Вотъ, вотъ, „Проворный“ въ щепы. Подъ конецъ и работать было нельзя... И обезсилѣли... И зазябли... И Арсентьичъ притихъ, не ругался... Всѣ мы сбились ближе къ кормѣ... „Проворный“ бился... Кругомъ гулъ отъ буруна... Молчимъ... Ждемъ смерти... Жутко, вашескобродіе!

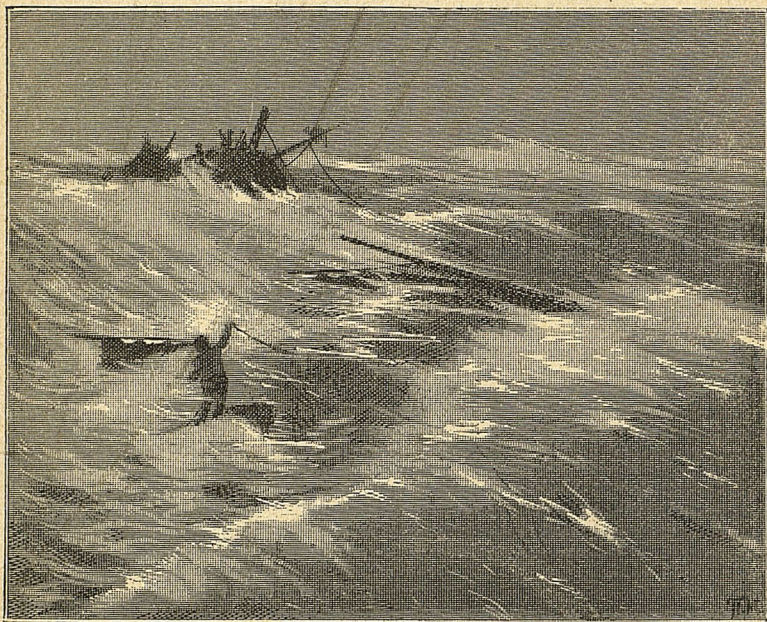
Нилычъ на минуту примолкъ и потомъ отрывистѣе и торопливѣе заговорилъ:

VI.

— Забрестило... Увидали вблизиости высокую скалу... Гоглана... а передъ ей островки и камня... Много ихъ... И бурунъ по имъ... Пѣнится... Однако обрадовались. Обнадежились... А ужъ Сергѣй Сергѣичъ кричитъ: „Зря не бросайся... Слушай меня... Всѣ спасемся!“ И кликнулъ охотниковъ на шестеркѣ отвести на берегъ перлинь *) и закрѣпить тамъ. Первымъ вызвался Каръ Карычъ и съ имъ шесть матросовъ... Перекрестились мы, какъ завертѣлась шлюпка въ волнахъ. Однако показывается между волнъ. Каръ Карычъ наровитъ между каменьевъ. И на глазахъ завертѣлась и скрылась. И всѣ потопли. Перекрестились мы въ тоскѣ. Видимъ, свѣтаеть, а все равно погибать. А нашъ-то Арсентьичъ долой кожанъ, обвязался длиннымъ концомъ и по мачтѣ — уперлась, значитъ, она на камнѣ, около насъ — пробѣжалъ до камня и въ воду... Поплылъ... На островкахъ отдохнетъ и дальше... Выплылъ таки на берегъ .. Закричали ура... Арсентьичъ тащитъ за конецъ перлинь. Укрѣпилъ и назадъ на бригъ. Дрожить, замерзъ, а самъ веселый... Ругается, такъ и сыпетъ. Торопитъ съ Сергѣй Сергѣичемъ переправу... Ужъ носъ вовсе въ водѣ. Заливаетъ. Очередь Сергѣй Сергѣичъ назначилъ. Первымъ дѣломъ отправилъ двухъ

*) Пеньковый канатъ.

больныхъ и двадцать матросовъ съ фершаломъ. Торопить. И безъ того побѣжали. Только не всѣ перебрались... Коихъ и сбросило въ воду. Побѣжалъ и я во второй очереди. А съ ей и капитанъ ввязался. По болѣзни бытто. И вдругъ „Проворный“ сталъ тонуть. „Братцы!.. живо!“— Это Сергѣй Сергѣичъ, а самъ не

спасается, еще стоитъ на борту. И тутъ о другихъ думалъ. Всѣ сразу бросились на переправу, а мачта изъ-подъ ногъ... Съ камня на шлюпку, по перлиню. Столпились. Многіе попадали въ воду. Коихъ на каменьяхъ убило. Кои потопли. Арсентьичъ двухъ спасъ, и Кирѣевъ форъ-марсовой капитана на плечахъ вынесъ. Пожалѣлъ. А часто изъ-за „Павки“ Кирѣева

пороли. Не бойсь, за зло добромъ, вашескобродіе!.. Выбрались на берегъ мокрые, иззябшіе, ровно обезумѣли отъ радости. Живы... Собрались въ кучу. Арсентьичъ сосчиталъ... Всего тридцать человѣкъ. Половины нѣтъ. Потопли. И офицеровъ всего трое: капитанъ, старшій офицеръ да штурманъ. А „Проворнаго“ ужъ и званія нѣтъ. Помолились Богу и пошли искать на островѣ жилья. А „Павка“ пошелъ съ вѣстовымъ особо. Видно, стыдно было на людей смотрѣть.

Нилычъ смолкъ.

— Легко присудили „Павку“! — промолвилъ Нилычъ.

— Отчего? Вѣдь по закону строго приговариваютъ капитановъ! — замѣтилъ я.

— То - то и есть, что надѣли бы на „Павку“ матросскую куртку... Да мы не показали на слѣдствіи всей его трусости. Молъ, въ болѣзни находился.

— Почему?

Ужъ очень онъ послѣ того потерянный былъ... И даромъ, что тридцати пяти лѣтъ былъ, а равно старикомъ сталъ. Потрясеніе значитъ. Ну, и пожалѣли! — прибавилъ Нилычъ.

К о н е ц ъ .

(Составлено по морскому словарю В. В. Вахтина).

- Банштанъ**—толстая веревка, удерживающія съ боковъ рангоуты.
- Банк**—передняя часть судна.
- Банна**—родъ песчаной отмели, мѣшающей плаванью кораблей.
- Бейдевиндъ**—(итти въ бейдевиндъ)—лавировать, итти вкось.
- Барнасъ**—самое большое гребное судно.
- Бизань** парусъ, поднимаемый на задней мачтѣ.
- Боканцы**—деревянные или желѣзные брусья, на которыхъ висятъ гребныя суда.
- Бортъ**—бокъ корабля.
- Боцманъ**—старшій унтеръ-офицеръ на кораблѣ.
- Брамсель**—парусъ на брамъ-стенгѣ.
- Брамъ-стенга**—прямое круглое дерево, служащее продолженіемъ мачты.
- Вахта**—дежурство на судахъ: 4-хъ или 6-ти часовой промежутокъ, на который вступаетъ на дежурство наверхъ офицеръ (вахтенный начальникъ) и съ нимъ половина команды. Сутки дѣлятся на 5 вахтъ. Смѣнившіеся съ вахты наз. подвахтенными.
- Вельботъ**—легкая шлюпка съ острымъ носомъ и кормой, въ 5—6 весель. Смотря для кого служить, называется адмиральскимъ, капитанскимъ и пр.
- Гальс**—а) положеніе плывущаго корабля относительно вѣтра; б) веревка, натягивающая паруса.
- Гротъ**—нижній парусъ средней мачты.
- Дрейфовать**—пятиться по вѣтру, когда якорь не хорошо держитъ.
- Дрейфъ** (лечь на дрейфъ)—поставить паруса такъ, что отъ дѣйствія вѣтра на одно изъ нихъ судно идетъ впередъ, а отъ дѣйствія другихъ пятится назадъ, т. е. остается почти на одномъ мѣстѣ.
- Зюйдъ-вестъ**—юго-востокъ.
- Капитанъ**—начальникъ судна.
- Катеръ**—гребное судно съ мачтой, которую можно ставить или снимать по надобности.
- Каютъ-кампанія**—общая каюта, салонъ для офицеровъ.
- Кливеръ**—судно съ тремя мачтами и острыми боками, отличающееся отъ другихъ быстротой хода.
- Крюйтъ-намера**—мѣсто для хранения пороха и пр. воспламеняющихся вещей.
- Купецъ**—купеческое судно.
- Лагъ**—инструментъ, служащій для измѣренія пройтаго разстоянія.
- Линень**—толстая веревка, служащая для на-казаній.
- Марсель**—парусъ, который ставится между марса-реемъ и нижнимъ реемъ.
- Мачта**—круглое дерево, на которое ставятся паруса. Бываютъ мачты и металлическія. Бизань-мачта—самая задняя мачта; гротъ-мачта—средняя; фокъ-мачта—передняя.
- Мичманъ**—младшій морской чинъ.
- Помпа**—насосъ.
- Поль-сильянки**—четверть часа.
- Поручень**—деревянный или металлическій брусъ, прикрѣпленный къ стойкамъ у лѣстницъ и мостиковъ.
- Рангоуть**—круглыя дерева, на которыхъ ставятся паруса.
- Рей**—рангоутное дерево, подвѣшенное за середину къ мачтѣ и служащее для привязыванія паруса.
- Рифъ**—груда камней на поверхности воды или подъ водой.
- Рифъ**—веревка у паруса или рядъ ихъ, посредствомъ которыхъ площадь паруса уменьшается; взять рифы—уменьшить паруса, отдать рифы—увеличить паруса.
- Руль**—нѣсколько соединенныхъ между собой брусевъ, перпендикулярныхъ къ водѣ, посредствомъ которыхъ корабль приводится въ нужное направленіе.
- Стаксели**—треугольные паруса; смотря по мѣсту, назыв.: гротъ-брамъ-стаксель, фокъ-стаксель и т. д.
- Транспортъ**—перевозочное судно.
- Трисель**—косой четырехугольный парусъ, ставящійся на мачтѣ.
- Узелъ**—величина, которою измѣряется пройденное кораблѣмъ разстояніе. Узелъ равняется приблизительно 1½ верстамъ.
- Фокъ**—самый нижній парусъ на передней мачтѣ.
- Шнанцы**—часть верхней палубы военнаго судна отъ гротъ мачты до бизань-мачты.
- Штиль**—безвѣтріе. *Штилевать*—не двигаться за отсутствіемъ вѣтра.
- Штурвалъ** механическое устройство для поворачиванія руля.
- Штурманъ**—на немъ лежатъ обязанности счисленія пути судна, присмотръ за хронометрами и другими приборами. Теперь въ военномъ флотѣ штурмана улазднены и ихъ обязанности исполняютъ морскіе офицеры.
- Экваторъ**—равноденственная линія, мысленно проводимая черезъ центръ земли и дѣлящая ее на двѣ половины—сѣверную и южную.
- Ютъ**—кормовая часть верхней палубы, сзади бизань-мачты.

изъ жизни Князя Александра Невского. Съ рисунок. п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

Жоржъ - Зандъ. Похожденія Грибуля. Съ рисунок. п. 45 к. Въ папкѣ 60 к.

Козлова. Поющій Камень. Кавказск. легенда. Съ рис., п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Кольцо. Разсказъ. Съ рис., п. 25 к. Въ папкѣ 40 к.

Коринфскій, А. А. „На ранней зорькѣ“. Стихотворенія для дѣтей, съ рис. Спб. 96 г. п. 50 к. Въ папкѣ 70 к.

Кругловъ, А. В. „Превращенія Зины“. Разск. для дѣтей младш. возр. съ рис., изд. 2-е М. 900 г. п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— „Все пріятели“. Разс. для дѣтей младш. возраста, съ рис. Изд. 3-е М. 1903 г. Цѣна 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Далекое Рождество. Изъ дѣт. вос., съ рис. Изд. 2-е М. 99 г. п. 30 к. Въ пап. 45 к.

— „Въ гостяхъ. Въ Крыму“. Очеркъ. Изъ раз. прят. Изд. 2-е, съ рис. п. 20 к. Въ пап. 35 к.

— Котофой Котофевичъ“. Пов. для дѣтей, съ рис. Изд. 3-е. п. въ пап. 1 р.

— „Первое говѣнье“ (изъ дѣтскихъ воспоминаній). Съ рис. Изд. 2-е. М. 900 г. п. 40 к. Въ папкѣ 55 к.

— „Изъ золотого дѣтства“. Повѣсть для дѣтей въ 55 рисун. въ текстѣ. Изд. 4-е. М. 1903 г. п. въ папкѣ 1 р.

— „Разные разсказы“. Для дѣтей школ. воз. 2-е изд. книги Подарокъ на елку). Съ рис. М. 98 г. Въ папкѣ 1 р. 25 к.

— „За чужимъ горбомъ“. Пов. для дѣтей. Съ рис. п. 80 к. Въ папкѣ 1 р.

— Падаръ и Ода. Пов. для дѣтей. М. 1901 г. п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Разными дорогами. Пов. для дѣтей Изд. 2-е М. 1901 г. п. 1 р. Въ пап. 1 р. 25 к.

— Сердобольныя. Разск. М. 901 г. цѣна 25 к. Въ папкѣ 40 к.

— На скользкомъ пути. Разск. для дѣтей съ рис., п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

Кругловъ и Догановичъ. „Маша“. Пов. съ рисунок. М. Михайлова. Изд. 3-е. п. 40 к. Въ папкѣ 55 к.

Лаухина, М. „Крысанка разбойникъ“. Пов. для дѣтей. Съ рис. п. 80 к. Въ пап. 1 р.

— Соловейко. Разск. для дѣтей. Съ рис. п. 25 к. Въ папкѣ 40 к.

— Свѣтлые дни. Разск. Съ рис. п. 25 к. Въ папкѣ 40 к.

— Пріемышъ. Повѣсть изъ жизни одной дѣвочки, п. 35 к. Въ папкѣ 50 к.

Лубонъ, Дж. „Красоты природы и ея чуда“ Перев. съ англ. Изд. 2-е М. 1902 г. п. 65 к. Въ папкѣ 80 к.

Лунашевичъ. Свѣтлячокъ. Разсказы, сказки и сценки для мал. дѣтей. Съ рисунок. М. 98 г. Въ папкѣ 80 к.

Лушняновскій. Русск. народн. сказки и были. Съ рисунок., 2 т., п. по 80 к. Въ пап. по 1 р.

— Сказаніе о томъ, какъ построена церковь Трифона, п. 20 к. Въ папкѣ 30 к.

Лѣсничій, Ан. Приключенія Ивасака, мален. хохла. Поэма въ стих. Съ рис. Изд. 2-е. М. 96 г. п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

Любичъ-Кошуровъ. Въ царствѣ пчель и муравьевъ. Пов. Съ рис., п. 30 к., въ пап. 45 к.

— „Подкидышъ“. Разсказъ изъ жизни птицъ. Съ рис. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Во имя любви, разск. Съ рисунок. п. 25 к. Въ папкѣ 40 к.

Любичъ-Кошуровъ и Медвѣдевъ. Въ стойлахъ. Изъ жизни лошадей. Съ рис. п. 35 к. Въ папкѣ 50 к.

— „Друзья-пріятели“. Разсказъ изъ жизни животн. Съ рис. п. 75 к. Въ пап. 1 р.

Львовичъ, В. 110 родному краю, Сборникъ статей по отечествовѣднію. Книга для чтенія въ школѣ и дома. М. 1902 г. п. 1 р. Въ папкѣ 1 р. 25 к.

— Народы русскаго царства. Сборникъ статей по этнографіи. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Съ рисунок. въ текстѣ. М. 1902 г. п., 2 р. Въ переп. 2 р. 50 к.

Маутнеръ. Исторія бѣднаго Ѳеда. Прикл. маленкаго словака, п. 30 коп. Въ папкѣ 45 к.

Медвѣдевъ, Л. Первые шаги. Разск. для дѣтей. Съ рис., п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Изъ жизни писателей. Воспом. для дѣтей, п. 45 к. Въ папкѣ 60 к.

Господинъ Котикъ. Разск. Съ рисунок. п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Въ гимназій. Стран. изъ воспоминаній, п. 1 р. 25 к.

Митропольскій, Ив. Изъ жизни. Разск. для дѣтей, съ рис. М. 99 г. п. 40 к. Въ папкѣ 55 к.

— „Рыцаръ“. Разск. изъ исторіи одного медвѣдя. М. 1900 г. п. 25 к. Въ пап. 40 к.

— Сторожъ и др. разск. съ рис. М. 902 г. п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Артемовы питомцы (Три арапченка). Разсказъ. Съ рис. п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Ѳедоръ Коробейникъ и друг. разск. Съ рис. п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

— Тяжелый годъ. Разсказы изъ 1812 г. Съ рисунок., п. 40 к. Въ папкѣ 55 к.

Муравьи спасители и др. разск. для дѣтей, съ рисун., п. 30 к. Въ папкѣ 45 к.

Монгомери. Его не поняли. Повѣсть для дѣтей. М. 901 г. п. 45 к. Въ папкѣ 60 к.

Мюзереръ. Пережитое. Воспом. Съ рис. п. 50 к. Въ папкѣ 65 к.

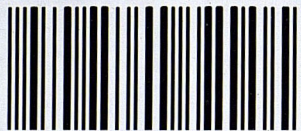
Николаевъ. Палестина. Геогр. очеркъ, п. 20 к.

- Николюкин, А. М.** Уроки жизни. М., 1902 г. а. 50 к. Въ папкѣ 65 к.
- Наши животныя. Очерки съ рисунк. М. 902 г., ц. 50 к. Въ папкѣ 65 к.
- Позняковъ, Н.** „Блесточки“, воспоминанія в разск. для дѣтей, съ рисун. М. 99 г., ц. 40 к. Въ папкѣ 55 к.
- Поталенно, И. Н.** Золотая медаль. Съ рисун. М. 99 г., ц. 50 к. Въ папкѣ 65 к.
- Разинъ, А.** Разоренный годъ. Истор. пов. изъ 1812 г. съ рис. Изд. 4-е, ц. 40 к. Въ п 55 к.
- Гетманъ Степанъ Острица. Ист. пов. Съ рис. Изд. 4-е, ц. 40 к. Въ пап. ц. 55 к.
- Разина.** „Жизнь не для себя“. Пов. для дѣтей, съ рис., ц. 30 к. Въ папкѣ 45 к.
- Сергѣенко.** Хитрецъ. Разск. для дѣтей, Съ рис. М. 99 г., ц. 30 к. Въ папкѣ 45 к.
- Галя. Повѣсть для дѣтей, съ рисун. ц. 1 р. Въ папкѣ 1 р. 25 к.
- Сизова.** Князь Вячко. Истор. пов. ц. 25 к. Въ папкѣ 40 к.
- Иванъ Кулибинъ, ц. 15 к. Въ пап. 25 к.
- Смайльсъ.** Путешествіе мальчика вокругъ свѣта.— „Жизнь въ Австраліи и переѣздъ черезъ Америку“. М. 99 г., ц. 1 р. 25 к. Въ папкѣ 1 р. 50 к.
- Смирновъ, Ил.** Родное. Разск. для дѣтей, съ рис. 3-е изд. М. 1901 г., ц. 75 к. Въ пап. 1 р.
- „Подпасокъ“. Разск. для дѣтей, съ рис. 4-е изд. М. 1901 г., ц. 40 к. Въ папкѣ 55 к.
- „Послѣ экзаменовъ“. Разск. для дѣтей, съ 6-ю рис. М. 97 г., ц. 20 к. Въ пап. 35 к.
- „Дѣтскіе годы“. Воспоминаніе дѣтства и юности. Изд. 2-е, ц. 80 к. Въ папкѣ ц. 1 р.
- „Школьные годы“. Воспоминанія, съ рис. Изд. 2-е, ц. 80 к. Въ папкѣ 1 р.
- Все правда. Разск. для дѣтей, съ рис. М. 98 г., ц. 40 к. Въ папкѣ 55 к.
- Изъ дѣтской жизни. Разсказы для дѣтей, съ рис. Изд. 2 е, ц. 35 к. Въ пап. 50 к.
- Урокъ и др. разск. Съ рисунк., ц. 3) к. Въ папкѣ 45 к.
- Костя Рукавицынъ. Разск. Съ рис., ц. 40 к. Въ папкѣ 55 к.
- На привольѣ. Разсказы для дѣтей, съ рисун., ц. 40 к. Въ папкѣ 55 к.
- Соловьевъ-Несмѣловъ, Н. А.** „Маленькія дѣти“. Раз. для мален дѣт. Съ 40 рис. въ текст. Изд. 2-е, Спб. 95 г., ц. 35 к. Въ пап. 50 к.
- „Дѣтскій мірокъ“. Разск. изъ жизни дѣтей и окружающей ихъ природы. Чтеніе для дѣтей отъ 6 до 10 лѣтн. возр. въ трехъ отд., съ рис. Изд. 3-е. М. 1901 г., ц. 75 к. Въ папкѣ 1 р.
- Былинки. Разск. и сказ. для мален. дѣтей, съ 30 рис. М. 99 г., ц. 30 к. Въ пап. 45 к.
- Соловьевъ, М.** На улицѣ и дома. Разск. для дѣтей изъ сельскаго быта, съ рисунк., ц. 40 к. Въ папкѣ 55 к.
- Соронинъ, Ник.** Всюду жизнь. Разск. для дѣтей изъ жизни и природы. Съ 20 рис. М. 99 г., ц. 30 к. Въ папкѣ 45 к.
- Сталь.** „Скольскій путь“. Раз. М. 99 г., ц. 60 к. Въ папкѣ 75 к.
- Станюковичъ, К. М.** Разск. для дѣтей. Изъ морской жизни, съ рисунк. М. 902 г. Изд. 2-е, ц. 75 к. Въ папкѣ 1 р.
- Разсказы стараго боцмана, ц. 40 к. Въ папкѣ 55 к.
- Сысовъ, В.** „Мотыльки“. Разск. для дѣтей, съ рис. М. 98 г., ц. 45 к. Въ папкѣ 60 коп.
- Утреннія зорьки. Разск. для дѣтей. Съ рис. М. 1900 г., ц. 60 к. Въ пап. 80 к.
- Водяной мірокъ. М. 1901 г., ц. 20 к. Въ папкѣ 35 к.
- Бытовые разсказы. М. 1902 г., ц. 50 к. Въ папкѣ 65 к.
- Жизнь въ природѣ. Веселыя сказочки. М. 1902 г., ц. 30 к. Въ папкѣ 45 к.
- Наши враги и друзья. Очерки изъ жизни животн. и птицъ. Съ рис., ц. 80 к. Въ папкѣ 1 р.
- Твенъ М.** Принцъ и нищій. Пов. для юнош., съ рис. Въ папкѣ 2 р.
- Тоже прост. изд., ц. 75 к. Въ пап. 1 р.
- Приключенія Тома. Пов. для юношества, съ рис., ц. 2 р.
- Тоже прост. изд., ц. 80 к. Въ пап. 1 р.
- Тепловъ.** Боецъ. Разск. изъ исторіи одной лошади. Съ рис., ц. 20 к. Въ папкѣ 30 к.
- Уйда.** Приключенія маленькаго графа. Разск. для дѣтей, перев. Н. И. Перельгина, съ рис. 5-е изд. русск. М. 99 г., ц. 30 к. Въ папкѣ 45 к.
- Фарраръ.** Тьма и разсвѣтъ. Историч. ром. изъ временъ Нерона. Изд. 2-е. М. 1900 г., ц. 1 р. Въ переп. 1 р. 50 к.
- Черскій.** „Искорки“. Разск. и сказки для дѣтей, съ рис., ц. 30 к. Въ папкѣ 45 к.
- „Друзья“. Разск. и сказ. для дѣт. съ рисунк. М. 99 г., ц. 35 к. Въ папкѣ 50 к.
- „Пепиньоло“. Разск. съ рисунк., ц. 25 к. Въ папкѣ 40 к.
- „Дѣтскіе годы Шекспира“. Съ рисунк. ц. 30 к. Въ папкѣ 45 к.
- Зайчины страхи, разск. и сказки съ рис. М. Михайлова, ц. 30 к. Въ папкѣ 45 к.
- Чистянова-Взръ.** Разсказы для дѣтей. Изд. 2-е, съ рис., ц. 40 к. Въ папкѣ 55 к.
- Въ царствѣ радости. Сказки для дѣтей. Съ рисун. ц. 30 к. Въ папкѣ 45 к.
- Забыла и др. разсказы. Съ рисунк. ц. 40 к. Въ папкѣ 55 к.
- Юрѣва.** Крутыя горки. Изд. 2-е. Съ рисунк., ц. 25 к. Въ папкѣ 40 к.
- На южномъ берегу Крыма. М 1902 г. ц. 50 к. Въ папкѣ 65 к.

2007067254